

Колос

4
АПРЕЛЬ
1970

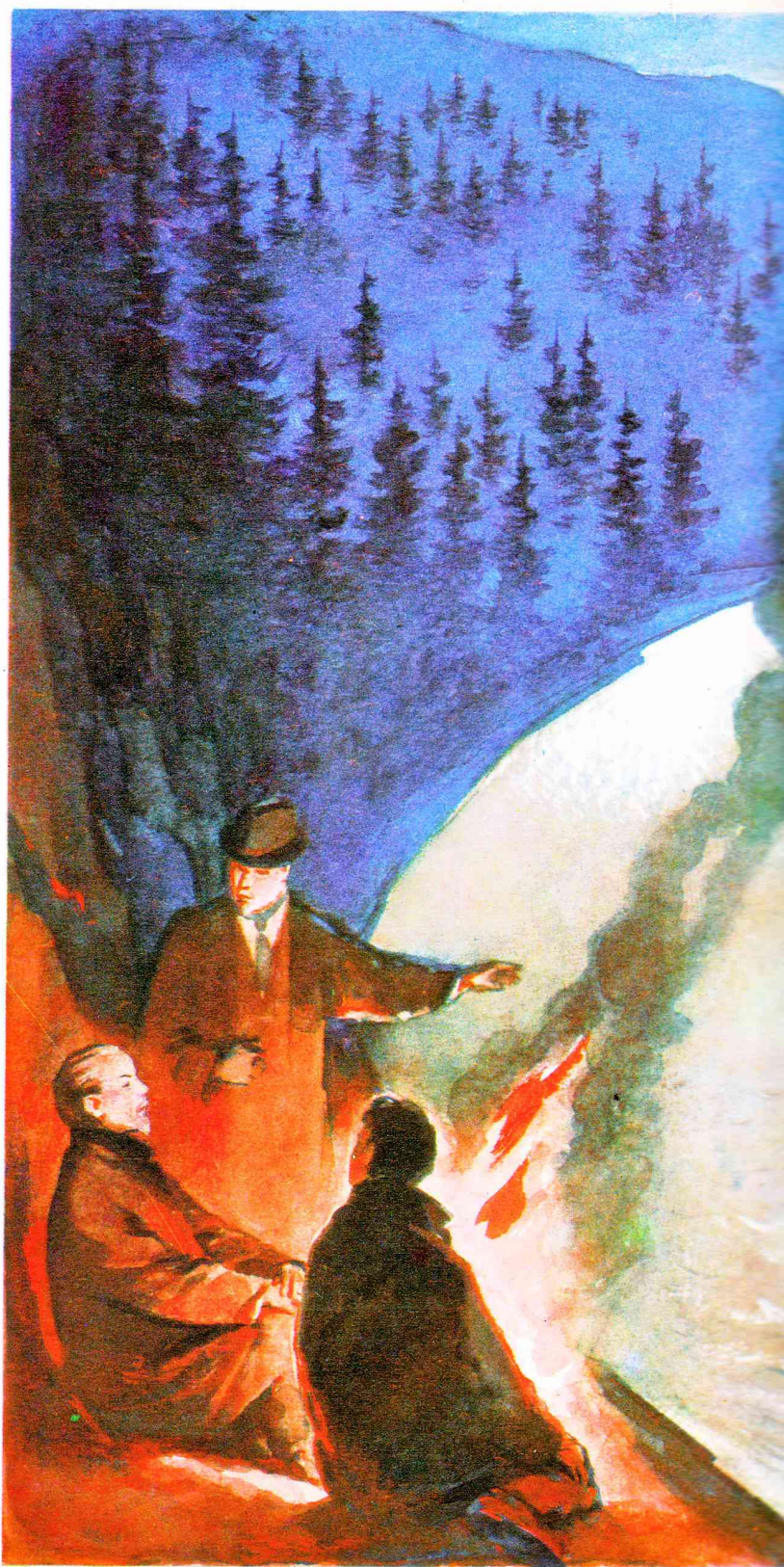

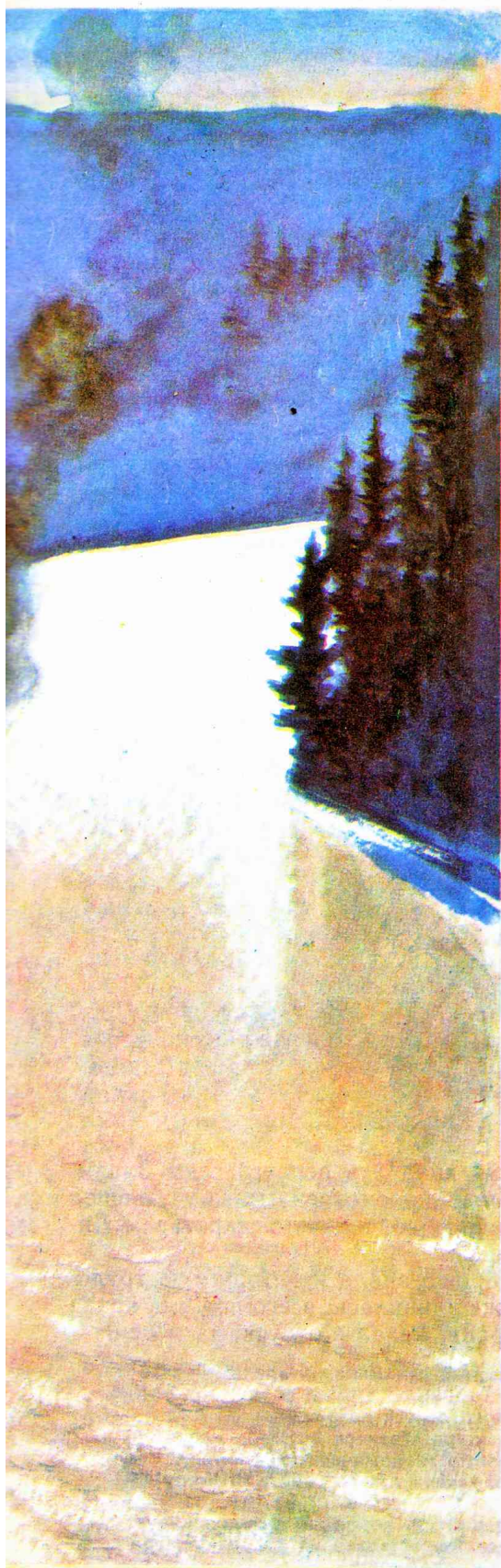
Костёр
4
АПРЕЛЬ
1970

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

**Нынешний
номер
„Костра“—
посвящается
столетию
со
дня
рождения
Владимира
Ильича
Ленина.**

Рисунок Т. Есенофонтова

Видишь рисунок на этой странице! Предвечерний час, тайга, неистово бурлит Енисей. У подножья скалистой горы — костер. У костра—трое: Ленин, Кржижановский, Старков.

Их дорога лежит в сибирскую ссылку, в Шушенское. Еще фамилия Ленина—Ульянов; еще не вышло ни одного номера «Искры»; еще не создана партия, которая приведет Россию к освобождению.

Ленин смотрит вдаль, Кржижановский что-то говорит ему, — может быть, о быстром речном течении!

Сейчас совсем неподалеку от того места, где горел ленинский костер, высятся Красноярская ГЭС и красавец Дивногорск. Огни над Енисеем — словно искорки того костра...

Вспомним еще один ленинский костер!

На сенокосе, за деревьями, шалаш. Трава в звездочках гвоздики. Топор. Котелок.

Это — Разлив.

Здесь,
сквозь тумана клочья куцые,
в ночи
не гаснул тот костер,
что
пролетарской революцией
над миром
пламя распростер.

Горите, разгорайтесь, ленинские костры!

ДЕНЬ, КАКИХ БЫЛО МНОГО

Утром пятнадцатого июля двадцать первого года Владимир Ильич с кипой газет, уже просмотренных дома, вошел в свой кремлевский кабинет и поздоровался с секретарем Лидией Александровной Фотиевой.

Лидия Александровна хорошо знала неистощимую трудоспособность Ленина. И все же удивилась: всего два дня назад Владимир Ильич уехал в Горки. Уехал в отпуск, на месяц!

9 июля, после неоднократных напоминаний врачей, — заявление: просьба об отпуске.

Того же числа — резолюция: отпуск разрешен.

10 июля — не уехал: редакция «Тезисов ВСНХ» — документа о том, как проводить Новую экономическую политику.

11 июля — не уехал тоже: заканчивалась работа III Конгресса Коминтерна.

12 июля. Записка секретарю: «Я, вероятно, сегодня уеду». Какое там! Остался. Председательствовал на заседании, где обсуждался вопрос о помощи голодающим.

И вот он уже снова за своим рабочим столом.

В ответ на немой укор Фотиевой Ленин улыбнулся и напомнил: в решении об отпуске оговорено его право бывать на заседаниях Политбюро. А сегодня ведь день заседания.

Итак, не теряя времени, за дела.

Выполнены ли — и как именно выполнены — его поручения, переданные из Горок?

Получен ли исправленный текст телеграммы из Ташкента? Удалось ли установить, какое бедствие постигло город — землетрясение или наводнение?

Нет ли отзывов на предложение профессора Губкина?

Разыскали ли автора письма, сообщавшего о хищениях на Дону?

Однажды пакет, доставленный курьером на имя Ленина, пролежал в проходной будке три часа.

«Если я еще когда-либо через 5 минут не получу из проходной будки, — писал Ленин коменданту Кремля, — я должен буду подвергнуть Вас взысканию».

И еще, и еще — установлено ли, найдено ли, отвечено ли, отправлено ли?

Слушая ответы Фотиевой, Владимир Ильич уже пробегал новые письма, телеграммы, записки — он умел заниматься несколькими делами сразу.

В одном из своих писем Ленин просил: «Пишите кратко, телеграфным стилем, выделяя особые предложения, если надо. Длинного я вовсе не прочту, наверное».

Телеграмма из Ярославля заставила Ленина нахмуриться. Опять хищения продовольствия! Тут же, на обороте телеграммы он записал: принять меры и проследить, как они будут проводиться. Это — наркому путей сообщения и председателю ВЧК.

Вот еще записка. От Красина — наркома внешней торговли. Предлагает покупать хлеб не в Маньчжурии, а в Америке, Канаде, Аргентине.

Это — на решение Совета Народных Комиссаров. На записке появляется ленинская резолюция: «Ставьте сегодня в СНК».

До заседания Совета Народных Комиссаров еще сегодня заседание Политбюро, до него остается совсем немного времени. Владимир Ильич взялся за телефон. На его столе — три аппарата. Они соединяют его кабинет с кабинетами и квартирами наркомов, с ЦК партии, а когда нужно — и с разными городами.

Телефон был незаменим в работе Ленина. Зачем отрывать людей от работы, заставлять их приезжать или писать разъяснения, когда можно не теряя времени договориться, получить любую справку!

Случалось, и решения Политбюро принимались при опросе его членов по телефону, конечно, если вопросы решались не сложные.

В этот день обсуждались такие важные вопросы — об очередном пленуме ЦК партии, о предстоящем IX Всероссийском съезде Советов, о мерах борьбы с голодом, о транспорте, о нарушении некоторыми товарищами партийной дисциплины, — само собой, тут должны были присутствовать все.

Какие бы серьезные вопросы ни стояли на Политбюро, Владимир Ильич проводил заседание быстро и организованно. Да и члены Политбюро — старые революционеры — привыкли к строгой дисциплине и умели высказать за две поло-

Тысяча девятьсот двадцать первый год — это первый мирный год Советской республики. Мирный, но отнюдь не легкий.

Интервенты изгнаны, белогвардейские полчища разгромлены.

Но врагов у советского государства еще не мало. Это и затаившиеся контрреволюционеры, и разные „бывшие“, и спекулянты.

Это они в сговоре со своими заграничными покровителями помогали поднять мятеж в Кронштадте. Это они поддерживали банды, орудовавшие еще в стране. Это они плели нити тайных заговоров против Советов.

Многие бойцы Красной Армии уже возвращаются к своим станкам и на свои поля. А станки бездействуют — нет топлива, не на чем подвезти уголь и нефть. А поля не на чем пахать и нечем засеивать. А тут еще засуха, неурожай и страшная болезнь — холера.

С полей сражений не вернулось много испытанных революционеров. И много случайных, неустойчивых людей проникло в ряды партии.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА НА VIII ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ. Художник Л. Шматько

женные минуты свое мнение. Владимиру Ильичу редко приходилось указывать на циферблат своих часов, лежащих перед ним.

Однажды, прослушав ряд длинных речей, Владимир Ильич предложил упорядочить регламент выступлений.

Докладчику предоставлять десять минут, ораторам в первый раз — пять минут, во второй — три минуты. Говорить не более двух раз.

Выступать «за» один раз и один раз «против». И один раз — «к порядку ведения».

Так и повелось с тех пор. Если кто-нибудь просил слова «к порядку» вторично, Владимир Ильич говорил, что это не «к порядку», а «к беспорядку».

Человеку постороннему могло бы показаться странным — как это вести заседание без секретаря. Но Ленин не любил лишних бумаг. Он сам записывал сделанные предложения. Записывал быстро, сколько бы ораторов ни выступило.

Однажды Ленин раскритиковал важный доклад одного военспеца. И предложил ему зайти на следующий день.

И верно, после беседы с Владимиром Ильичом доклад был переделан — в нем излагалась только суть, факты и цифры.

Ленин был доволен: «Вот умеют же сделать доклад, когда захотят».

Кончилось заседание Политбюро. Началось заседание Совета Труда и Обороны.

Вопрос обсуждался очень важный: что закупить за границей. Железнодорожникам нужны паровозы, шахтерам — врубовые машины, торфяникам — торфососы, ученым — лабораторное оборудование. А денег, золота у молодой Республики совсем мало. И расходовать их приходится, крепко подумав.

Вот в таких трудных условиях надо создавать промышленность, электрифицировать страну, восстанавливать сельское хозяйство.

Недаром друг и верный соратник Ленина Г. М. Кржижановский назвал двадцать первый год „тяжким, голодным, злоеущим“.

Организовать хозяйство страны на мирный лад означало решить множество огромных государственных задач и тысячи мелких, не терпящих отлагательства.

И каждая требова-

Как всегда, участники заседания собрались вовремя — разве приятно встретить укоризненный взгляд Владимира Ильича? Ведь Ленин сам никогда не опаздывал.

За десять минут опоздания — строгий выговор в протоколе, с опоздавшего вторично высчитывать как за прогул. Опоздавшему в третий раз — выговор в печати. Опоздавшие больше трех раз привлекались к ответственности.

Каждый, кто выступает, откровенно высказывает свое мнение. Владимир Ильич внимательно вслушивается в чужие доводы, особенно если они расходятся с его собственной точкой зрения. Иногда для ясности задает наводящий вопрос.

Четыре часа. Ленин прямо из кабинета проходит по коридору в свою квартиру. В его блокноте пометка: сенатор Франс. Значит, перед вечерним заседанием Совнаркома предстоит беседа с американцем.

Десятки людей приходили ежедневно к Владимиру Ильичу. Однажды часовой у ворот Кремля задержал на полчаса посетителя, не пустив его к Ленину.

Ленин написал коменданту Кремля: «Ставлю Вам на вид, что Вы к своим обязанностям относитесь нерадиво».

Что заставило сенатора пересечь океан? Разумеется, деловой интерес. Франс — за признание Советской России и хотел бы узнать, на каких условиях можно установить с ней торговые отношения. Он хотел бы познакомиться с постановлениями советского правительства, если, конечно, они переведены на английский язык.

Что ж, пообещал Владимир Ильич, переводы можно предоставить Франсу. Ведь молодой советской стране именно теперь важно завязать деловые отношения с зарубежными коммерсантами и промышленниками.

Тем временем в соседней комнате — зале заседаний — уже слышались приглушенные голоса собравшихся на заседание Совнаркома. Заседания, как правило, многолюдные — слушалось по десять, а то и больше вопросов.

Однажды Владимир Ильич зашел в комнату ожидания и ужаснулся: сколько людей в клубах табачного дыма дожидаются своей очереди выступить на заседании с докладом! Кто дремлет, кто играет в шахматы, кто листает журнал.

Ленин распорядился: в день заседания Совнаркома заранее извещать докладчика о примерном часе и держать его «на телефонном расстоянии», с тем, чтобы всегда иметь возможность вызвать его до срока за четверть часа.

Сегодня на повестке дня — Поволжье. Поволжье голодает.

Сельское хозяйство обнищало во время войны. Крестьянам следует помочь наладить земледелие и скотоводство. Пусть они обменивают хлеб прямо на нужные им товары. Но как организовать обмен?

Нельзя допустить, чтобы в первую очередь обменивал товары на продовольствие спекулянт, мешочник. Обмен товаров на хлеб должно возглавить государство, народный комиссариат продовольствия.

Было поздно, когда заседание Совнаркома закончилось.

Владимир Ильич уезжал в Горки. Отдыхать и лечиться, как предписано. А его секретарь Лидия Александровна с огорчением глядела на объемистую папку с множеством бумаг в руках у Ленина. Она-то знала: и завтра будут телефонные переговоры, распоряжения, требования, поручения...

Кончился день. Один из многих таких же дней. Даже, пожалуй, более легкий: как-никак — день отпуска.

ла внимания Владимира Ильича как главы государства.

Ленинские письма, распоряжения, записки тех дней пестрят:..... в особо срочном, ударном, революционном порядке налечь немедленно — это заместителю наркома продовольствия предлагалось срочно улучшить снабжение Москвы и Петрограда. „Прочтите, пожалуйста, поскорее... Верните и ответьте...“ — это председателю Госплана. „Налегте всячески...“ — это управляющему делами Совнаркома о снаряжении Карской экспедиции для доставки товаров в Сибирь. И еще, и еще: „Как двинуть быстрее“, „Дело архиважное и архиспешное“, „Затребовать поскорее...“

И наряду с этим забота о людях. Тогда же Ленин писал Цюрупе, наркому продовольствия: „Бодритесь и непременно выдерживайте полностью курс лечения“. Или настаивал: „Обязать тов. Менжинского взять отпуск и отдохнуть немедленно впредь до письменного удостоверения врачей о здоровье“.

Кит взметнулся свечой, словно хотел навсегда проститься с морем, и снова ушел глубоко в воду, утащив за собой шесть туго натянутых поплавков. Темные поплавки из нерпичьей темной шкуры, покрытые короткой шерстью, дол-

Вот если бы тащили кита, то на узкую галечную отмель высыпало бы все население, пришли бы даже одряхлевшие старики, а тех, кто не ходит, притащили бы на плечах сильные юноши. Пока бы разделяли кита, пылали ко-

ЛЕНИНСКОЕ СЛОВО

Юрий Рытхэу

РАССКАЗ

Рисунки Е. Овчинникова

го не показывались из воды. Когда они всплыли, стоящий на носу охотник перегнулся через борт, потянул один из них, — и сразу стало ясно: кит ушел умирать в глубину, оборвав шесть толстых крепких ремней из лахтачьей кожи.

«Эх, было бы слово, — с досадой подумал Утоюк, глубоко надвигая на лицо капюшон камлейки, чтобы товарищи не видели разочарования на его лице. — Ушли китовый ус, мясо, жир...»

Охотиться дальше не было смысла. Утоюк развернул байдару, поставил парус новым галсом и направил суденышко на темную высокую полосу скалистого берега.

Кожаная байдарка подпрыгивала на волнах, туго натянутый парус звенел, студёный ветер охлаждал разгоряченное лицо. Морские птицы уступали путь плывущей байдаре; далеко на западной стороне проглянуло голубое небо, но на душе Утоюка было одно — грусть от мысли, что его байдару постигла неудача.

Скоро придет зима. Вон уже на вершинах гор, окруживших пролив, появились белые шапки, утиные стаи потянулись к югу, а по утрам нога рушит лед замерзших луж... Идет зима, а в мясных ямах пусто, пусто и в бочках, предназначенных для жира. Где-то в середине зимы, когда мороз скует лед и не оставит ни проблеска свободной воды, придет голод. Вечный зимний гость, который будет уносить сначала малых детишек, потом стариков, а потом снова вернется к детям, на этот раз постарше, примерно таким, как сын Лайвок, который уже умеет стрелять... Люди будут скоблить мясные ямы, варить земляную смесь, будут есть старую моржовую кожу, ремни. А потом поедут, пряча стыд и унижение, по соседним стойбищам. Но ведь и там в этом году охота была не очень удачной. Поделаются, конечно, тем, что есть, но в глазах будет упрек: и у нас дети, и у нас старики...

Тугой ветер гнал байдару на берег. Уже видны белые бураны на прибрежных рифах, и ясно различимы люди на берегу. Их немного.

стры, детишки носились бы наперегонки с собаками, лакомились вкусным итгильгином — китовой кожей вместе с жиром, а вдоль берега расхаживал бы старый Томсон, заложив руки за спину, и ласково разговаривал, кося красноватым глазом на кучу китового уса.

Но ничего этого не будет. Даже те, кто пришел на берег, будут сочувственно молчать, а старый Томсон заколотит дверь лавки и уедет пережидать голодное время в Америку, где еду держат в запаянных жестянках, выставленных в окнах магазинов, и где не надо гоняться за ней по бушующему морю, по неверному морскому льду.

Перед бурунами Утоюк спустил парус, и байдарка неслась к берегу со скоростью, которую сообщил судну щедрый ветер.

В толпе встречающих стоял незнакомый парень в островерхой шапке с нашитой звездой. Он был молод и смотрел на байдару широко раскрытыми глазами, словно все это он видел впервые и еще не привык. Рядом с парнем стояли ребятишки и вместе с ними Лайвок.

Земляки молча помогли вытащить байдару. Вместе со всеми работал молодой парень со звездой на шапке и улыбался неизвестно чему, раздражая Утоюка. Как можно улыбаться, когда впереди голодная зима и смерть близких? Утоюк глянул парню прямо в глаза, и тот, почувствовав гнев, вдруг смешался, растерялся.

Но Утоюку не было дела до этого белобрысого с красной звездой на шапке. Закончив дела на берегу, он направился к своей яранге, которая, как и все жилища, была обращена входом к открытому морю, чтобы охотник всегда видел морское пространство, которое его кормит и держит живым на этой холодной земле.

Рядом, едва поспевая за широкими шагами отца, семенил Лайвок и торопливо рассказывал новости, происшедшие в поселке, пока отец был на охоте.

— Приехал человек, который назвался большевиком. И еще учителем. Говорит, что будет

учить детей различать речь на бумаге. И мы все научимся, как старый Томсон, глядеть на бумагу и бормотать слова... Так он говорит.

Занятый своими мыслями, Утоюк почти не слушал сына. Мало ли какие чудачки приезжают? В прошлом году высадились несколько человек с кирками и лопатами и тайком ушли в тундру — искать денежный песок. Еще настоящих морозов не было, а их уже нашли закованными и исхудавшими так, что полярные волки побрезговали ими... И еще был человек, который утверждал, что во всем остальном мире люди говорят с помощью металлической проволоки. Утоюк усмехнулся про се-

селится невидимым гостем в яранге, — власть бедных и голодных...

Уже дома, за скудной едой, Лайвок повторил весь рассказ, который вселил тревогу в сердце Утоюка.

Большевик Гоша ничего не говорил про металлическую проволоку для разговоров, не звал в тундру копать денежный песок, он говорил просто и понятно, и вот это-то и было тревожно и непривычно. Он собрал жителей селения в лавке Томсона, велел торговцу освободить помещение и заявил, что послан советской властью открыть школу и провести выборы в Совет.

бя: во рту, вместо живого теплого языка, кусок металлического провода!..

— И еще говорил учитель, по имени Гоша Менов, что старый Томсон должен покинуть нашу землю и уехать...

Невозможно было отвлечься от ребячьего разговора, и Утоюк спросил:

— Так кто же говорит: большевик, учитель или Гоша?

— Он один все и говорит, — обрадованный откликом отца ответил Лайвок. — И еще говорит, что на всей нашей земле новая власть, власть бедных.

— Везде власть бедных, — вздохнул Утоюк, представив себе, как ослабнет звонкий голос сына и потускнеют его глаза, когда голод по-

— Зачем выбирать, когда и так хорошо видно, — ответил старый Понто. — Пусть в Совет идут те, кто ничего не имеет, раз власть бедных.

— Это власть бедных и трудящихся, — нашелся тут же учитель. — В Совет должны войти те, кто своим умом и своими заботами помогут уничтожить бедность на этой земле. Мы взяли власть в свои руки не для того, чтобы голодать и мерзнуть, а чтобы построить жизнь, достойную настоящего человека!

И люди слушали его, потому что в селении до него никто так много, громко и интересно не говорил.

Решили выбрать в Совет Утоюка и еще двоих.

Но Утоюк попросил позволения поразмыслить несколько дней.

Учитель согласился, но посоветовал поторопиться.

Пока Утоюк думал, учитель посадил торговца Томсона на вельбот и отправил в Америку через пролив. Товары перешли во владение новой власти и были названы такие цены, которые сначала отпугнули покупателей: до того они были низки по сравнению с ценами, по которым торговал старый Томсон.

А Утоюк думал. Он передумал всю свою жизнь от рождения до сегодняшнего дня, и вдруг с горечью открыл для себя, что радостей она ему почти не дала. Занятый вечной погоней за зверем, он редко останавливался передохнуть и подумать. Что же такое — настоящая жизнь?

Под покровом осенней ночи Утоюк отправился к шаману Анахаку, который поставил ярангу на берегу бурного ручья. По узкой осклизлой тропке Утоюк вскарабкался на крутизну и вошел, точно в скалу, в жилище шамана.

Чуть в стороне от входа мерцало пламя костра. Шаман сидел, уткнув поросший седенькой щетиной подбородок в колени, обтянутые облысевшими нерпичьими штанами.

— Пришел! — приветствовал шаман Утоюка. — Садись к огню.

Усевшись перед Анахаком, Утоюк рассказал о своих сомнениях и колебаниях и попросил совета.

— Пришел! — злорадно повторил шаман. — А когда на кита пошел, не посчитал нужным прийти за словом, которое помогло бы тебе. Теперь я тебе скажу, что помочь нет у меня ни сил, ни охоты...

— Что же делать?

— Спроси у того, у кого сильное слово, — зло отозвался шаман.

— У кого? — спросил Утоюк.

— У Ленина!

Утоюк слышал это имя в то время, когда до селения дошла весть о великой революции в России. Но это казалось далеким и неосязаемым, как полярное сияние. Однако удивило то, что старый Анаhak не только знал имя Ленина, но и слышал про силу его слов.

— Откуда ты знаешь о Ленине? — осторожно осведомился Утоюк.

— Много наслышан, — нехотя ответил Анаhak. — Одни говорят, что это сказочный великан, иные — что совсем обыкновенный человек. Раз-

ные слухи ходят... Вот только одно говорят одинаково: вся сила Ленина в его слове.

Слово... Утоюк знал, что у шаманов есть чудодейственные заклинания, способные на расстоянии убить человека, утихомирить бурное море, вылечить больного или же навести на кого-нибудь порчу. Утоюк верил в силу слов и иной раз, когда не совсем был уверен в удаче, отправлялся к шаману, и тот давал ему заклинания, смысл которых был понятен только шаману и богам... Если бы он послушался старого Анахака и пришел за словом! Конечно, пришлось бы отдать половину китового уса, жир и мясо, но все-таки это лучше, чем остаться без ничего.

— Говорят, слово его повергает врагов в бегство и дает силы тем, кто ранее считался слабым, — продолжал Анахак. — И люди, посланные им сюда и называющие себя большевиками — это те, которые знают чудодейственное слово Ленина.

Утоюк ушел от шамана, полный противоречивых мыслей. Как же так? Выходит, и шаман

признал силу далекого Ленина. Значит, единственное — идти к учителю и спросить его. Да как его спросишь, если парень сам часто задает вопросы и мудрейшим не выглядит.

Утоюк вернулся в свою ярангу. Сына не было дома и на вопрос, где он, мать ответила:

— Учиться ушел.

— Чему учиться? — удивился отец, который всегда считал, что сына должен учить не кто-нибудь, а собственный отец.

— Различать следы на бумаге, — туманно ответила жена.

— Пусть учится различать следы на снегу! — сердито заметил Утоюк и ушел на поиски сына.

Ноги сами привели его к бывшей лавке старого Томсона, где теперь обосновался учитель Гоша Менов.

Там, где раньше торговец держал запас товаров, было пусто, и на снятых со стен полках сидели мальчишки и девочки, сосредоточенно слушая учителя. Оглядев пустые стены, Утоюк горько подумал: «Власть бедных».

Там, где стоял учитель, к стене был прислонен старый, заржавленный корабельный руль с погибшей шхуны. Раньше Томсон покрывал им отверстие мясной ямы, но с тех пор, как он уехал, яма пустовала и в ней поселились бродячие собаки.

Утоюк остановился у входа в лавку. Учитель говорил и одновременно что-то писал на руле белым пачкающим камнем. Потом он снова повернулся к ученикам, и вдруг те хором повторили слова, среди которых Утоюк явственно уловил знакомое. Он еще раз прислушался, и странное чувство охватило его. Глазами он нашел сына и впился взглядом в него. Да, Лайвок произносил это имя, и на лице его было обыкновенное выражение, даже радость и гордость оттого, что он делает все так, как учитель Гоша Менов.

Утоюк вышел из лавки и уселся на камень, повернувшись лицом к морю. За тонкими дощатыми стенами звенели детские голоса, которые иногда перекрывались спокойным голосом учителя. И опять дети и учитель повторяли эти

слова и это имя, которого страшился даже шаман Анахак, выходявший на единоборство со злыми духами.

Неожиданно прозвенел звонок, словно на улицу селения прибежал вожак оленьего стада с колокольчиком на шее. Из лавки шумной толпой высыпали ребятишки. Впереди мчался Лайвок, и на его лице Утоюк не увидел ничего, кроме радости.

Дождавшись, пока ребятишки освободили помещение, Утоюк вошел. Учитель Менов закуривал.

— Етти, Утоюк, — поздоровался он и весело сообщил: — Вот начали учиться. Теперь здесь — школа.

А Утоюк все смотрел на начертанное на ржавом руле, пытаясь разобраться в значках, выследить звуки, которые запечатлелись линиями, нанесенными белым пачкающим камнем. Он напрягал слух, словно оттуда должны были раздаться задержанные звуки и произнести это ленинское слово.

— Там написано ленинское слово? — спросил Утоюк, указывая на ржавый руль.

— Точно! — пораженный, ответил учитель. — Ты умеешь читать?

— Не умею, — почему-то смутился Утоюк. — Я просто догадался и слышал, как дети называли имя Ленина.

— Понравилось? — вежливо осведомился учитель.

Утоюк не знал, как отвечать на этот вопрос, поэтому он немного помолчал.

— Так какое это слово? — спросил Утоюк. Он ясно видел, что на руле начертаны два слова: одно, видимо, имя Ленина, а другое — то самое ленинское слово.

— Слово? — переспросил учитель и оглянулся на руль. — Вот это — Ле-нин, — произнес он раздельно, словно перед ним был ученик, — а второе слово — ре-во-лю-ция.

— Как, как? — переспросил Утоюк.

— Революция! — громко повторил учитель.

Утоюк внимательно вслушался в звучание слова и напрямик спросил учителя:

— И это самое сильное ленинское слово?

Учитель на минутку задумался и подтвердил:

— Пожалуй, оно и есть.

— Научи меня ему, — попросил Утоюк.

Выучить ленинское слово оказалось делом не очень трудным. Повторив несколько раз, Утоюк отлично научился выговаривать «революция» и чувствовал, как его язык привыкает перекатывать во рту это непривычное слово.

— Спасибо, — поблагодарил Утоюк учителя и собрался было уходить, но тут учитель спросил:

— А ты знаешь, что это слово значит?

Разве это слово что-то значит?.. Заклинательные слова шамана Анахака не имели смысла, и чем они были непонятнее и труднее было их произносить, тем были сильнее.

— Думаю, что это сильное слово, — предположил Утоюк.

— Подожди, — остановил его учитель. — Садись. Я хочу тебе сказать, что значит это слово.

... В дверь уже заглядывали ученики, но беседа учителя и охотника все продолжалась. Гоша Менов рассказывал Утоюку об Октябрьской революции, о том, как трудящиеся взяли власть в свои руки, чтобы плоды их трудов доставались не кому-то, а им самим, чтобы на всем большом пространстве бывшей царской России не было угнетаемых и обездоленных, чтобы ни голод, ни болезни больше не посещали дальние чукотские селения.

Много говорили учитель Менов и Утоюк.

— Быть хозяином своей жизни, своего будущего — вот что значит для трудящегося человека революция, самое сильное ленинское слово, — заключил долгий разговор учитель Менов.

Трудно было Утоюку сразу во всем разобраться.

Он спустился к морскому берегу. На горизонте уже виднелась белая полоска надвигающихся льдов, тянуло холодным ветром, а снежная шапка на окрестных горах опустилась ниже.

Из-за большого камня показалась сгорбленная фигура шамана Анахака. Старик медленно ковылял по берегу, что-то произносил и кидал тревожные взгляды на белеющую полосу льда.

— Анахак! — позвал Утоюк.

Шаман оглянулся и сделал несколько шагов навстречу Утоюку.

— Хочу умиловить духов, — сказал Анахак усталым голосом. — Трудно мне!

— А я знаю ленинское слово, — заявил Утоюк.

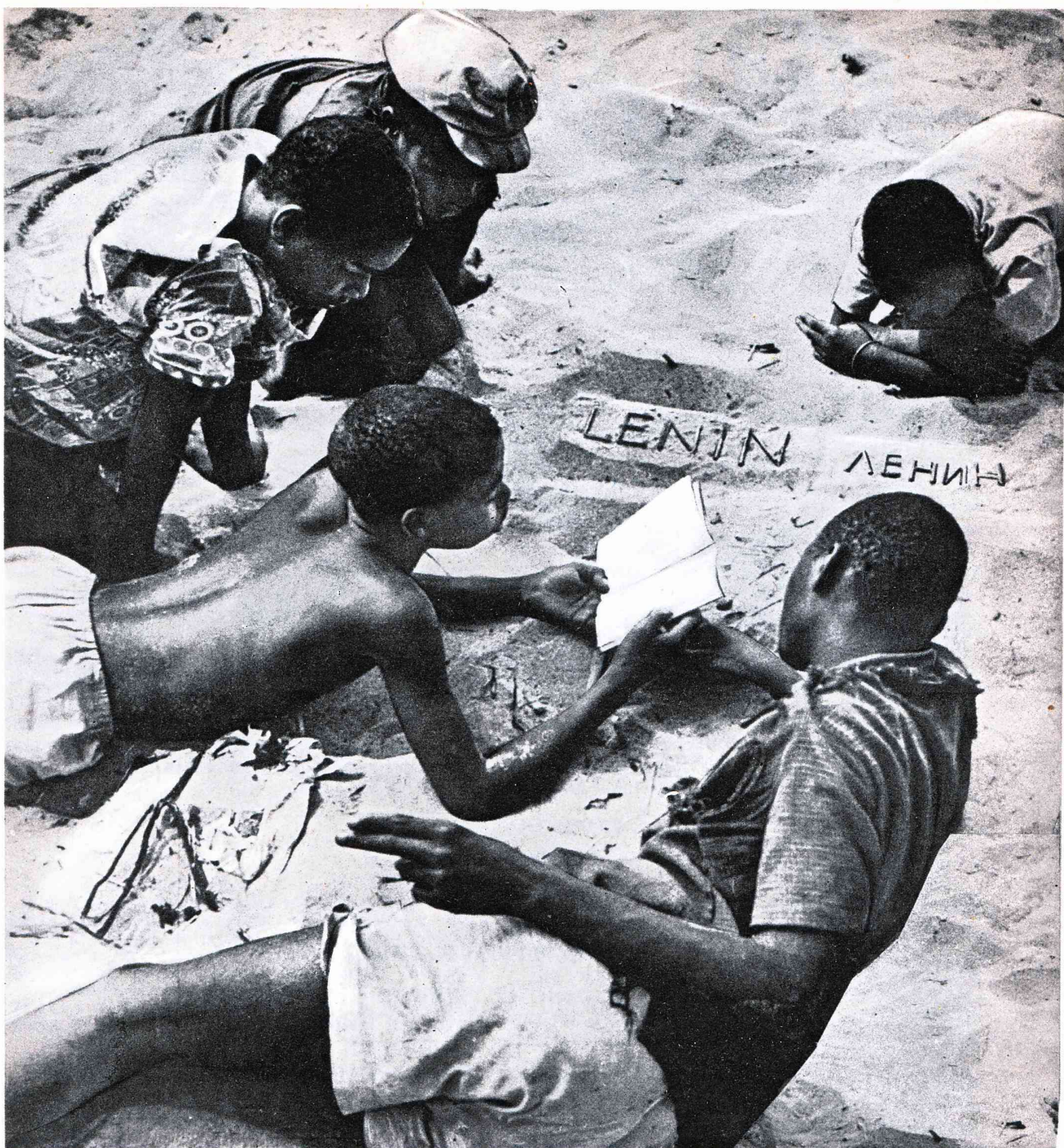
Шаман насторожился.

— И я даже знаю, что оно значит, — продолжал Утоюк. — Это слово, — тут охотник сделал паузу и громко произнес: — Революция!

Анахак вздрогнул, словно его ударили. Он втянул голову в плечи и, ни слова не говоря, поспешил вверх, к своей яранге, вбитой в скалу.

Утоюк и сам удивился тому, что сделал. И вместе с удивлением в его душе росла радость: значит, действительно сильное это ленинское слово — Революция!

Н. Рясин (Москва)
Ленина знают все

*С международной фотовыставки,
посвященной столетию со дня рождения В. И. Ленина*

К ОТЦУ В ГОСТИ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ

Радий Погодин

Рисунки С. Острова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЛЕНЬКА
НАТАШКА
КОЛЯ
АНТОНИНА СТЕКОЛЬНИКОВА (НИТКА)
СЕРЕЖКА КОНОВАЛОВ
НИНОЧКА ВОСТРЕЦОВА

СТАРЫЙ ДИРЕКТОР
НОВЫЙ ДИРЕКТОР
ГИДРОЛОГ ЧИМБАРЦЕВ
МАРИЯ КАРПОВНА (ТЕТЯ МУСЯ)
СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ
РАЯ — РАДИСТКА
КАПИТАН ПОРТА

От скалистой земли, как от мамки, отбежал каменный островок. Так и замерзли они рядом. Потому замерзли, что отбежал островок от мамки-земли, потому заледенели, что мамка-

земля недоглядела за своим детенышем. Сprehватилась она, потянулась за ним, да уж поздно. Так и плывут в бесконечном времени маленький островок и вытянутый к нему большой

полуостров. С трех сторон у них ледовитое море, с четвертой стороны ледяная болотная тундра.

Небо над землей торжественное, в ярких звездах, как в орденах. Звезды звенят в вышине. И снег звенит. И ветер поет. И слагаются звуки в музыку.

Вдруг сквозь музыку — быстрый морзяночный писк: тревога!

Откуда тревога? С какой стороны?

На самом краю полуострова под отвесными черными скалами люди живут в деревянных домах с паровым отоплением. И на островке люди живут. А вокруг на тысячи километров безлюдье, только песцы, да тюлени, да полярные совы, да редкостный белый медведь.

Слушают люди радиоголоса, измеряют тревогу приборами, сами готовятся к защите и на Большую землю посылают предупредительные сигналы.

«Тревога! Идет ураган-циклон такой страшной силы, что, постепенно ослабевая, добежит он до самого Черного моря. Беды понаделает. Готовьтесь! Север шуток не шутит».

Но сегодня — в субботу — тихо было в природе, так тихо, словно лопнул барабан в духовом оркестре и все музыканты, опустив медные трубы, сидят в изумлении — не дышат. Тишина эта для простых ушей. Для ушей, оснащенных техникой, картина другая. Радиоголоса над землей толкались, шумели, смеялись и

плакали. Английские разговоры смешивались с французскими разговорами, джаз заглушался финским церковным пением, и церковное финское пение отступало под натиском итальянской певицы. Словно кто-то совсем одинокий бессмысленно крутит настройку приемника. Но вдруг, натолкнувшись на русскую речь, этот некто очнулся. Громче прочих голосов звучали голоса Москвы, и голоса Ленинграда, и голоса пролетающих в вышине самолетов.

— Борт 13-136. Прошу разрешения на посадку. Прошу разрешения на посадку...

— Посадку разрешаем.

И уже совсем громко, будто совсем возле уха, голос местной радиистки:

— Я «Фиалка». Борт 13-136, не встречали в Архангельске Володю Бойкова? Он мой брат.

— «Фиалка», «Фиалка», мы его в Печоре встретили на неделе. Жив-здоров, велел кланяться. Он на Диксоне нынче. Мы к вам мальчика доставили, Колю Чимбарцева. Почему отец не встретил его? Должен был встретить.

И снова голос радиистки Раи, но уже совсем строгий — официальный, словно она учитель и диктует диктовку в присутствии завуча.

— Я «Фиалка». Вызываю гидропост Топорково. Гидролог Чимбарцев, ваш сын Коля сегодня прибыл рейсовым самолетом. Что случилось? Почему вы не приехали его встретить?.. Гидропост Топорково...

Эпизод первый

В школе-интернате в комнате номер пятнадцать проживал Соколов Ленька, ученик третьего класса. Был у него в комнате шкаф, стол, радиоприемник, портрет космонавта, зеркало, две кровати. На одной кровати Ленька спал, вторая кровать была ничья. Ленькина родная сестра Наташка находилась у Леньки в гостях. Ленька читал книжку, Наташка слушала радиоголоса.

Наташка. Ленька, а какой ватиканский язык? Он на какой похож?

Ленька. На твой. Конфет наелась и ла-ла-ла-ла-ла...

Наташка. Глупый ты, Ленька, и шутики у тебя глупые... (Вздыхнула глубоко и протяжно.) Ленька, как ты думаешь, в Южной Америке сейчас что цветет?

Ленька. Крапива! Редиска! Картошка! Не мешай ты мне — он сейчас как раз ловит.

Наташка. Бесчувственный ты, Ленька, тип. Ты и книжки читаешь бесчувственные. То рыбу ловят, то крокодилов ловят, то шпионов. Ловят, ловят — нет чтобы отпустить.

Ленька. Шпионов отпускать?! (Встал, книжкой о стол грохнул.) Ты, Наташка, сегодня в уме?

Наташка (Вздыхнула еще протяжнее.) Да не шпионов — вообще... (Из приемника доносится далекий тревожный голос, Наташка прислушивается.) Наверно, корабль тонет в южных морях. Слышишь, как он страдает?

Ленька (Тоже прислушивается.) Нет, это не корабль. Это, наверное, в Сахаре люди от жажды мучаются. Когда корабль тонет, тогда «SOS» кричат: «Спасите наши души»... Ух, Наташка, ух, враг, говорю — не мешай...

Ленька развернул книжку, хотел было сесть и углубиться в свое увлекательное чтение, как вдруг радио громко заговорило.

Радио. Я «Кристалл». Вызываю РУН-700 — Главное управление. Под нашей полярной станцией разорвало льдину. Трещина уже достигла десяти метров. Льды продолжают расходиться и лопаться во всех направлениях.

Срочно высылайте самолет для эвакуации станции, пока еще есть возможность приземлиться на старой площадке.

Засвистели помехи. Ленька подскочил к приемнику.

Ленька. Это какая станция?.. Это чьи позывные — «Кристалл»?

Наташка. Это у Воронина острова. Дядя Лева Семенов — «Кристалл». Его дочь в прошлом году у нас в десятом классе училась...

Ленька принялся устранять помехи, чтобы снова услышать голос полярной станции, но тут в комнату вошел очень пожилой директор школы-интерната Петр Савельевич. А за ним следом щуплый мальчишка в расстегнутом пальто — в одной руке шапка, в другой руке чемодан. Вместе с ним ворвался в комнату интернатский шум: кто-то вдруг побежит внезапно, кто-то вдруг упадет нечаянно, кто-то вдруг заорет просто так. При виде директора Ленкина рука на настройке дрогнула — приемник заорал во всю мочь негритянским джазовым голосом. Директор поморщился, выключил приемник, вздохнул глубоко-глубоко, словно вместе с воздухом хотел набрать побольше тишины.

Директор. Соколовы, это ваш новый товарищ, Коля Чимбарцев. Он будет спать на этой кровати... Я сказал — ваш новый товарищ; задача ясна, Соколовы?

Ленька. Ясно — новый товарищ.

Наташка. А у девочек товарищей не бывает. У девочек только друзья и подруги.

Коля. А я и подругой могу. У меня чувство юмора.

Коля потряс плечами, повихлялся и закатил глаза. Директор Петр Савельевич хмыкнул неопределенным образом. Он считал непедагогичным в первый же день одергивать новичков. В комнату просунулась ученица восьмого класса — хорошенькая Ниночка Вострецова

Ниночка. Петр Савельевич, вас в учительской ожидают. Все педагоги уже там собрались... и курят. Сказали — сбегай.

Директор (Коле.) Извини, я тороплюсь. Соколовы тебе все покажут.

Ниночка (Запела.) «Четвертый день пурга качается над Диксоном, но только ты об этом лучше песню расспроси...»

Наташка. На полярной станции у Воронина острова льды разорвало, а ты изгибаешься.

Ниночка. Что?

Наташка. А то, что не изгибайся.

Ниночка. А я тебя за ухо.

Наташка. И не командуй, ты не наш шеф. Говорю, на полярной станции Воронина острова льды разорвало.

Ниночка. Ну и что? Самолет пошлют — вывезут. Не такое видели. (Она снова запела.) «Четвертый день пурга качается над Диксоном...» (И вышла из комнаты).

Наташка (Ей вслед.) «Не такое видели!» Сама из клуба не вылезает. Певица! Кукла с закрывающимися глазами.

Ленька все это время пытается настроить приемник.

Коля (Протягивает ему руку.) Коля.

Ленька. Что?

Коля (Сует ему руку.) Коля, говорю.

Ленька. А... Меня Ленкой зовут. Ее — Наташка. Мы брат и сестра. (Помешкав, очень горячо и смущенно.) Она, враг, без меня не может — мы двоешата.

Наташка. Будто он без меня может. У меня еще братья есть, только те совсем взрослые. В Норильске живут. А мы с зимовки Соленая Губа. Папа у нас охотник. Мама охотница. А почему тебя твой отец не встретил?

Коля. Откуда ты знаешь, что не встретил?

Наташка. А у меня талант такой исключительный.

Ленька махнул на нее рукой, настроил приемник на местную радиоволну.

Радио (Голос Раи.) Гидропост Топорково. Гидролог Чимбарцев, рейсовым самолетом прибыл ваш сын Коля. Что случилось? Почему вы не приехали его встретить?

Ленька. У нас тут все по радио узнают; и погоду, и всякие новости, и события. У нас без радио нельзя — специфика севера.

Радио (*Голос Раи.*) Я «Фиалка», вызываю зимовку Дальнюю. К вам вылетел вертолет с акушеркой. Встречайте.

Коля. А почему он меня не встретил?

Ленька (*Настроился на волну.*) Ты помолчи пока.

Радио (*Сначала тихо, потом все громче.*) Я «Кристалл», вызываю РУН-700. Под нашей станцией разорвало льдину. Трещина уже достигла пятидесяти метров. Льды продолжают расходиться. Срочно высылайте самолет. Срочно высылайте самолет...

Радио. Я РУН-700. Вас понял. Сворачивайте станцию. Самолет будет... Я РУН-700, вызываю порт Красин. «Фиалка», как у вас в порту с самолетами?

Радио (*Голос Раи.*) Я «Фиалка». Был рейсовый самолет. Ушел в порт Тикси. Базовый вертолет вылетел на зимовку Дальнюю с акушеркой.

Радио. Я РУН-700, вас понял...

Коля. Почему же он меня не встретил?

Ленька. Во враг, ты в порядке и помолчи. Там сейчас, знаешь, что делается?

Наташка. А ты, Ленька, мог бы и повежливей.

Ленька. И ты помолчи. Там такое творится...

Коля. Ну и что же там творится?

Ленька. А то! (*Показывает на двух книжках, как раздвигаются и сдвигаются льды.*) Вот они разошлись, льдины. У-у-у-х... Ветер свищет. Но это еще не смертельно. Смертельно, когда они будут сходитьсь. Они могут одна на другую навалиться. Все сомнет и раздавит. Хрусть-хрусть. Шмяк! А могут так — могут крышей подняться, дыбом. И тоже смертельно. Трах! Тарарах!

Наташка. Что могут — то могут.

Коля. Все равно их успеют спасти. Это койка моя? (*Запихнул под кровать чемодан.*) Вещички под койку. Пальтишко на койку. (*Бросил пальто и шапку на кровать, сам уселся и попрыгал, пробуя мягкость.*) Годится — не люблю мягких... Меня бы и не отправили, если бы знали, что он меня не встретит. Мы бы сейчас с Санькой чего-нибудь делали. По закону нужно, чтобы он меня лично встречал.

Наташка. А с мамой ты разве не мог прилететь?

Коля. Чего?

Наташка. С мамой...

Коля засопел, и, словно подпевая ему, засопел Ленька.

Ленька. Ух, Наташка, ух, враг. Вот у тебя и есть язык ватиканский. Ты мозги-то почаще включай. (*Пошептал что-то Наташке на ухо, она испуганно прикрыла рот ладонью.*)

Коля (*Вскочил с кровати.*) Это шкафчик? Пальтишко в шкафчик. (*Повесил пальто в шкаф. Взял шапку с кровати, бросил ее себе за спину и ловко поддал пяткой так, что шапка, перелетев через его голову, оказалась в шкафу, на полке.*) В сачке! (*Закричал и тут же спросил.*) Кто под нами вверх ногами?

Наташка. Австралийцы.

Коля (*Грустно.*) Мухи, которые сидят на потолке этажом ниже. У нас с Санькой, с моим закадычным товарищем, чувство юмора развито. Как начнем хохотать...

Ленька. Этажом ниже кухня, там мух нету.

Наташка. А чувство юмора — это что?

Коля. Объясню популярно. Вот ты ему говоришь, что ты королева. Ну, говори.

Наташка. Я королева.

Коля (*Леньке.*) А ты ей что отвечаешь?

Ленька. А я отвечаю — иди проспись.

Коля (*Смеется.*) Вот и нет у тебя чувства юмора. Наташка, говори, что ты королева.

Наташка (*Жеманясь.*) Я королева.

Коля (*Кланяясь до полу.*) Как почивали, ваше величество? Как себя чувствуют ваши фрейлины?

Наташка. Ничего себе чувствуют. Ужас от них — трещат как сороки.

Ленька Это не чувство, а кривляние. И нету такого чувства.

Наташка. Ух, Ленька, ух, враг. У тебя нет, так у других есть.

Ленька. А я говорю — нету!

Наташка. А я говорю — есть!

Ленька. А я тебе, ух, Наташка! Я тебя тресну.

Коля. Ну тресни. У кого чувство юмора, тому не страшно. У нас в классе силач есть, Вася Самсонов, он из-за фамилии силу развил, он говорит, что нас с Санькой бить не интересно. У него сила мускулов, а у нас сила духа.

Ленька. У тебя?

Коля. А давай вот вздохнем, кто кого перетерпит? Ну, давай. (*Поставил Наташку рядом с собой.*) Давайте. Вздохнули... Ап!

Ребята не дышат, краснеют от напряжения и друг на друга таращатся. Наташка выдохнула первая, Коля сдался вторым. Ленька все терпит, как свекла стал. Наконец и он выдохнул.

Ленька. Ну... Ну, что?.. Ну, кто сильный духом?

Коля. Я.

Ленька. Как ты? Я же последний выдохнул.

Коля. Это же не дух, а дыхание. Дух — это несгибаемость перед невзгодами. А ты глаза выпучил да и все.

Ленька. Ну, враг, за обман ответишь. (*Повалил Колю на пол и уселся на него верхом.*)

Коля (*Хохочет.*) Не щекотись.

Ленька. А ты не смейся, ты плачь. Я сейчас тебя тресну.

Наташка бросилась было стаскивать своего братца с Коли, но тут в комнату вошла задумчиво и неторопливо Антонина Стекольников, ученица седьмого класса.

Нитка. Уже познакомились?

Ленька. А что он?..

Нитка. А что?

Ленька. А хохочет.

Коля (*Протягивает из-под Леньки руку.*) Коля Чимбарцев.

Наташка. Ее Ниткой зовут. Она наш шеф.

Нитка. Меня Антониной зовут. Антонина Стекольников. Ниткой меня папа прозвал за то, что я тоненькая.

Коля. Тоня тоненькая. А у нас один знакомый своего сына Пысей прозвал.

Наташка. Как Пысей?

Ленька подошел к приемнику, повертел ручку.

Радио. Я РУН-700, вызываю «Кристалл». К вам уже вылетел самолет с Диксона. Борт 77-456. Как у вас? Отвечайте. Прием.

Ребята подходят к приемнику, тревожно вслушиваются.

Я «Кристалл». Я «Кристалл». Станцию свернули. Склад с продовольствием ушел под лед. Льды начинают сближаться. Очень боимся за посадочную площадку.

Наташка (*Шепотом.*) У них дядя Лева Семенов начальником. Дочка его в прошлом году нашу школу закончила.

Нитка. Знаю. Все это знают. Вы, Соколовы, вот что: покажите Коле библиотеку, комнату отдыха, спортзал. А мне некогда.

Ленька (*Похлопал Колю по плечу.*) Для спортзала он слабоват.

Коля. Ага, слабоват. Если тигр схватит кошку за хвост, что тогда будет?

Ленька. Понятно — бесхвостая кошка.

Коля. И нет — слепой тигр будет. (*Похлопал Леньку по плечу.*) Для юмора он слабоват. А сейчас все: и физики, и космонавты, и артисты — все шутят. Сейчас чувство юмора — главное чувство.

Нитка покрутила ручку настройки.

Радио (*Голос Раи.*) Я «Фиалка». Вызываю гидропост Топорково. Гидролог Чимбарцев, почему вы не отвечаете?..

Нитка (*Выключив радио.*) Я тороплюсь. Соколовы, не позабыли — у вас радиосеанс с родителями в девятнадцать? (*Вышла из комнаты.*)

Коля. Чего они все торопятся? Директор торопится. Нитка торопится.

Ленька (*Сосредоточенно ходит — думает. Остановился перед Колей.*) Нет этого чувства юмора. (*Принялся загибать пальцы.*) Зрение у человека есть, нюх у человека есть, слух есть и осязание. И все. Вот если у человека хороший нюх, кем он будет?

Коля. Собакой.

Ленька. А если у человека хороший слух, кем он будет?

Коля. Собакой.

Ленька (*Яростно.*) А если у человека и нюх, и слух, и зрение хорошие, кем он тогда будет?

Коля (*Спокойно.*) Хорошей собакой.

Наташка засмеялась. Ленька посмотрел на нее угрожающе.

Ленька. Ух, Наташка, ух, враг, ты мне

кто? Ты мне родная сестра. Смотри, не то тресну. Разведчиком такой человек будет. Можно шпионов ловить, а можно и самому... Вот скажи, что сегодня на ужин?

Коля. Еда.

Ленька. А какая еда?

Коля. А для разведчика еда на последнем месте.

Ленька. Хоть на последнем, а не знаешь. Рыба будет.

Наташка. Ты, Ленька, нюх применил.

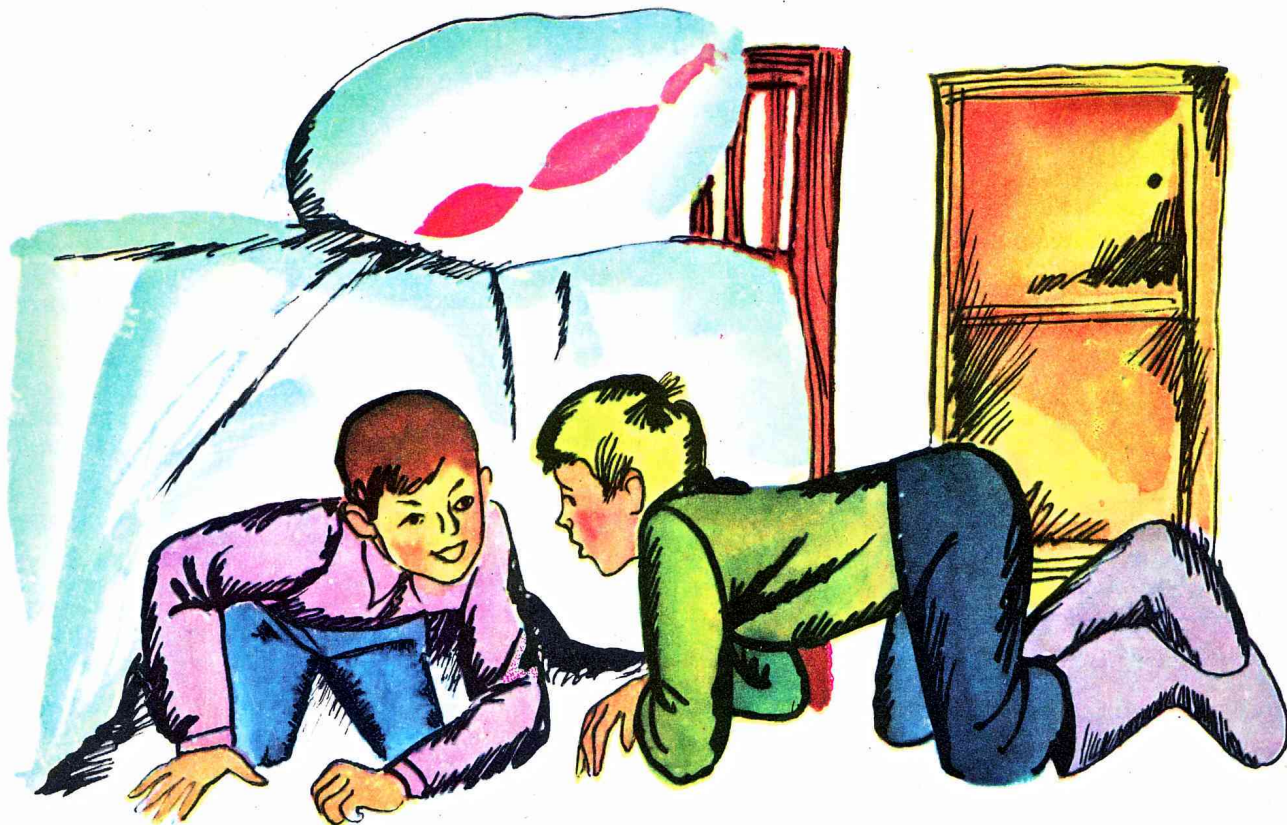
Ленька. Да не унюхал — увидел. Загляни в дырочку — что на блюде лежит?

Наташка. Огурцы.

Ленька. Погодите, я еще немного потренируюсь, кое-что подчитаю — ни одного шпиона здесь не останется.

Коля. Силен. Санька бы тебя перенюхал, но и ты силен. Только, я думаю, тут у вас и шпионов нет. Вот у нас в Ленинграде шпионов полно. Мы с Санькой видели троих.

Ленька. В Ленинграде должны быть. В

Коля. А вот унюхай, какая?

Ленька (Полез под кровать, закричал оттуда.) Камбала!

Наташка. Там дырка от парового отопления, там бы и я унюхала.

Ленька. Нюхай, что на гарнир?

Наташка и Коля полезли под кровать.

Наташка. Каша гречневая.

Коля. Макароны с сыром.

Ленька. Вот враги, нет у вас нюха. И сообщения нету. Кто же эту рыбу с макаронами делает? Картофельное пюре дадут и еще кусок соленого огурца.

Наташка. С картошкой согласна. А как ты огурец унюхал?

Ленинграде — согласен. Город огромный, прятаться в нем легко. Только там небось шпионов майоры ловят да подполковники. Вам с Санькой небось не поймать, они вас вокруг пальца обведут.

Коля. А у вас тут шпионам и делать нечего.

Ленька. Не думай. У нас тут тоже кое-что есть. Ты вот спроси меня, что у нас тут, на рейде, по осени стояло? Подводные лодки, четыре штуки.

Наташка. Три.

Ленька. Три сверху и под водой одна.

Коля. Мы с Санькой в Ленинграде двенадцать штук видали.

Ленька. Подводных?

Коля. Под водой мы не считали—они стаями ходят. Видели двенадцать. Громадные — от моста до моста.

Новый директор. Сколько? *(Он уже несколько минут стоит в комнате, слушает).*

Коля. Двенадцать. И под водой еще столько.

Ребята высунулись наружу. Ленька хотел вскочить, да стукнулся головой о край кровати.

Новый директор. Лежите, лежите. Значит, двенадцать и под водой столько же? Как мне к капитану порта пройти?

Ленька. Прямо по улице до берега, там направо. До порта дойдете, вниз по лестнице спуститесь к управлению, там и будет.

Новый директор. Спасибо. И все, значит, от моста до моста?

Ребятишки молчат, глаза отводят. Новый директор улыбнулся и ушел.

Наташка. Не наш. Брови сросшиеся. Подбородок—во, кирпичом. А вы ля-ля-ля, ля-ля-ля. А он, может, в книжечку пишет.

Коля. А глазами-то туда-сюда, все оглядел. Шпион, по всем приметам.

Ленька. *(Вылез из-под кровати.)* Хватит болтать-то. Это, может, новый директор.

Коля *(Тоже вылез из-под кровати.)* Я и говорю — это новый директор. Он меня и привез. Одного бы меня не пустили. Он и расписку за меня оставил, что сдаст с рук на руки моему отцу.

Ленька. А чего про шпиона болтал?

Коля. Просто для юмора. Вам же интересно было послушать. Жаль, Саньки нет. Был бы Санька, мы бы и не то рассказали. Мы бы еще побыстрее тебя шпиона нашли.

Ленька. Не знаю я про твоего Саньку. А если ты от него шпионов ловить научился, выследи-ка меня для пробы. Сначала дедуктивным способом думай... А потом вот... *(Вырвал лист из тетрадки. Наступил на него*

ботинком, предварительно натерев подошву сапожной щеткой). Образец. Дедуктивным методом не получится — по следу ориентируйся. Это тебе не чувство юмора, тут головой думать надо. Наташку тебе оставлю в помощь, для ориентировки на местности. А то заблудишься.

Коля. Я-то? Язык до Киева доведет.

Ленька *(Одевается.)* Вот и валяй. Ищи языком. *(Уходит).*

Наташка *(Тоже одевается.)* Не робей, мы его живо запеленгуем.

Коля *(Тоже одевается.)* Чего?

Наташка. Запеленгуем — термин такой.

Коля. Побежали.

Наташка. Погодить надо, пусть спрячется. *(Включает приемник).*

Радио. Борт 77-456, вызываю «Кристалл». Не вижу огней на посадочной полосе. Зажгите огни на посадочной полосе.

Радио. Я «Кристалл», я «Кристалл». Борт 77-456, полоса смята льдами. Посадка на нее невозможна. Уходите в порт Красин. Когда расчистим новую полосу, дадим знать. Ждите нашего вызова.

Радио. Борт 77-456. Держитесь, ребята. Я буду близко. Я тут как тут.

Радио. Я «Кристалл». Связь прекращаю, пора уходить на новое место. Лед подо мной так и ходит...

Свистят и воют помехи. Коля сел на кровать, голову понурил и вдруг вскочил.

Коля. А если они...

Наташка. Молчи... *(Перевела волну.)*

Радио *(Голос Раи).* Гидропост Топорково, гидропост Топорково. Я «Фиалка». Почему не отвечаете?

Наташка выключила радио.

Коля. Чего он не отвечает? Чего? *(Шмыгнул носом).*

Наташка. Чего-чего, а ничего — вот чего. Пойдем Леньку искать — пора.

Эпизод второй

Коля и Наташка выбежали на улицу. Фонари украсили ночь светящимися шарами. Окна с разноцветными занавесками висят в воздухе, словно у домов нет стен.

Коля. Может быть, он на кухню пошел, щиадом травить?

Наташка. Ты это с юмором?

Коля. Ага.

Наташка. А если всерьез?

Коля. А я всерьез не могу. Может, он складь пошел взрывать?

Наташка. Видишь, вон огоньки. Это корабли стоят. Они здесь зиму зимуют. Они первыми к островам пойдут. Когда лед сойдет, знаешь, сколько здесь кораблей набьется? Народу в поселке всякого. Из-за границы и наши. Танцы в клубе каждый день.

Коля *(Хлопнул себя по лбу.)* Он пошел корабли взрывать?

Наташка. На радиостанцию он пошел. На радиостанции все новости самые первые. Там

все вперед всех узнают. Если он шпион, зачем ему склады взрывать — он узнавать должен и сообщать.

Коля (*Померил пальцами Наташкин лоб.*) Голова нормальная, а мозгов — как у Ивана Сергеевича.

Наташка. У какого Ивана Сергеевича?

Коля. У Тургенева. Мы с Санькой вычитали — у Тургенева самый большой мозг был в мире. А у тебя второй.

Наташка. Ну уж, опять шутишь?

Коля. Сейчас не шучу. Одному и шутить неохота. Был бы Санька, мы бы шутку устроили. Мы бы сказали моему отцу, что Санька — это я, а я — это Санька. Вот бы потеха была. У вас тут темно на севере, он бы и не узнал сразу. Давай скажем ему, что я — это ты.

Наташка. Помолчи.

В природе вдруг что-то произошло, небо заходило, словно подул в вышине разноцветный светящийся ветер и принес с собой музыку. Словно полил разноцветный светящийся дождь. От этих небесных огней огни поселка, и окна, и фонари потускнели.

Коля. Смотри, смотри — чудо какое!

Наташка. Северное сияние! Пойдем, а то Ленька подумает, будто мы его не нашли.

Комната-радиостанция. Радистка Рая работает на ключе. Вошли Наташка и Коля.

Радио. Я РГД-440. «Фиалка», примите радиogramму капитану порта.

Рая. Я «Фиалка», вас слышу. Прием.

Радио. РГД-440. Диктую. 1848, 1849, 1251, 1444, 1850, 1244, 1876, 1272, 5100, 5020, 1231. Точка. Конец.

Рая. Вас поняла. (*Повернулась к Коле и Наташке.*) А вы тут зачем? (*Посмотрела на часы.*) Ваш радиосеанс с родителями через полтора часа.

Наташка. Мы Леньку ищем.

Рая. А не можете вы его искать в другом месте?

Радио. Борт 77-456. Порт Красин, прошу разрешения на посадку.

Радио. Я порт Красин. Посадку разрешаем.

Рая (*Почти кричит.*) Борт 77-456, Володя, Володя, я Рая. Как там с «Кристаллом»? Почему ты вернулся?

Радио. Привет, сестренка. Ты же слышала — у них смяло полосу. Они новую расчищают в шести километрах.

Рая. Может быть, их вертолетами снять?

Радио. Вертолетам туда не дотопать.

Радио. Я РУН-700. Вызываю «Кристалл». Вызываю «Кристалл».

Радио. Я борт 77-456. РУН-700, они расчищают полосу. Велели ждать вызова. Радист

расчищает вместе с другими. Я в порту Красин. Вылечу сразу.

Радио. Вас поняли... Вызываю «Фиалку». «Фиалка», подтвердите прибытие мальчика Коли Чимбарцева. Интернат, из которого он отправлен, просит подтверждения.

Рая. Я «Фиалка». Прибытие мальчика подтверждаю.

Наташка (*Подтолкнув Колю вперед.*) Это он, Коля Чимбарцев.

Коля (*Вдруг подскочил к микрофону. Кричит.*) А чего он меня не встретил? Чего я тут один? Может, я ему и не нужен? (*Вдруг заплакал.*) Я один не хочу!

Рая испуганно выключила микрофон

Радио. Я РУН-700. «Фиалка», «Фиалка», кто не встретил? Почему мальчик один? Почему плачет?

Рая. Я «Фиалка». Гидролог Чимбарцев мальчика не встретил и на наши запросы не отвечает. С мальчиком все в порядке.

Радио. Я РУН-700. Вас понял. Ищите Чимбарцева. Держите нас в курсе. Если что, придется отправить мальчика в Ленинград.

Рая (*Коле.*) Ты радиохулиган. Накричался на свою голову. Вот отправят тебя обратно.

Коля. Пускай отправляют. У меня там все остались — и Санька, и все ребята, и воспитательница Анна Ильинична. А здесь никого.

Рая (*Вытерла Коле слезы своим платком.*) Здесь не плачут. Наташка, ты зачем его привела?

Наташка (*Растерянно.*) Мы нашего Леньку ищем. Он шпион.

Рая. Рекордная чушь. Что у вас, у ребят, в голове?

Радио. Я «Тибет». Я «Тибет». «Фиалка», отвечайте, что делать с «Сахаром»?

Рая (*Кричит в микрофон.*) Выпейте ваш сахар с чаем!

Радио. Я «Тибет», «Фиалка», я вас не понял. Речь идет о живом человеке.

Рая. Извините. Замена «Сахару» будет. Завтра прилетает из отпуска радист Петров.

В радиорубку входит капитан порта, пожилой и грузный. Снял полубок, вытер лицо. Увидел Наташку и Колю.

Капитан порта. Радиосеанс?

Наташка. Мы Леньку ищем.

Капитан порта. Это вы наследили?

Наташка. Нет. Мы ноги о коврик вытерли.

Капитан порта. Кто же это подошвы сапожным кремом намазал?

Ленька (*Вылез из-за шкафа передатчика.*) Это я наследил, для проверки.

Рая. Что ты там делал? Там высокое напряжение!

Ленька. Про высокое напряжение я понимаю. Я же присел. А у них (ткнул пальцем в Наташку и Колю) нет ни слуха, ни нюха, ни соображения. И ты, Раиса, бдительность совсем потеряла, а еще на севере служишь!

Капитан порта (Поднимает Ленку за шиворот.) А если бы ты сгорел? Вон, говорю, отсюда! (Выставил Ленку за дверь.)

Наташка (Подталкивает Колю Чимбарцева к капитану порта). Это Коля Чимбарцев. Он про своего отца узнать хочет.

Капитан порта (Смотрит на Раю. Рая

качает головой.) Про отца узнает в свое время. А ну, пошли, пошли. (Выпроваживает ребят из радиорубки.) Где его отец? Где Чимбарцев, что с ним стряслось?

Рая. Я ищу... Вам шифрованная радиogramма. (Подает листок капитану порта).

Капитан порта. Навигация начнется на два месяца раньше. Все сразу! Все вдруг! Что за день...

Рая. Гидропост Топорково! Гидропост Топорково! Гидролог Чимбарцев, почему не выходите на связь?

Эпизод третий

Горит, переливается в вышине северное сияние. Толкутся в эфире радиоголоса.

Радио (Голос капитана порта.) Капитанам судов «Амдерма», «Индибирка», «Ураллес», «Зосима Рашев» явиться к капитану порта.

Радио (Голос Раи.) Зимовка Дальняя. Командира вертолета Залесинского.

Радио. «Фиалка», я Залесинский. У нас все в порядке. Решили меня к «Кристаллу» послать? Не хватит горючего...

Радио (Голос Раи.) Нет, нет... Вам приказ — немедленно вылетайте на гидропост Топорково. Гидролог Чимбарцев не выходит на связь. Возможно, потребуется медицинская помощь. Конеч.

Радио. Вас понял.

Сияние становится ярче и беспокойнее, оно мечется в небе, словно хочет предупредить людей о какой-то беде. Под расходящимся этим небесным огнем стоят ребяташки.

Коля. А кто этот дядька, который нас выгнал?

Ленька. Капитан порта. Он у нас самый главный. А ты чего слезы-то распустил, а еще говоришь — чувство юмора.

Наташка. Может быть, он от хохота. Я от хохота всегда плачу.

Ленька. Да никогда я не видел, чтобы ты плакала. Это я от тебя плачу.

Наташка. Ты от меня? Ты вот и есть бесчувственный. У тебя, кроме нюха и слуха, и нет ничего. И сердца у тебя тоже нет.

Коля (Стоит, задрав голову.) Может быть, это люди с чужих планет посылают нам такие сигналы. О нас беспокоятся, спрашивают, как мы живем, не нужно ли нам чего...

Ленька. Какие сигналы?

Коля (Показывает в небо.) Вот эти — огненные.

Наташка. А что, может быть, в самом деле. Может, им без нас скучно.

Ленька. У вас, наверное, тут прокисло. (Винтит пальцем возле виска.) Обыкновенное ионосферное явление.

Наташка. Ух, Ленька, скучный ты, как постное масло.

Ленька. Что-то раньше я тебе не скучный был. Чего же ты все возле меня да возле меня?

Наташка. Раньше ты был не скучный, а сейчас скучный. Ты потому сейчас скучный, что не ты про сигналы придумал.

Ленька. Я такую чушь не придумываю. Мне его отец, дядя Евгений, все объяснил. Полярное сияние зависит от солнца. От протуберанцев и от активности.

Наташка. Солнце сейчас где? В другом полушарии.

Ленька. А протуберанцы доходят.

Коля. А мне он никогда ничего не объяснял. И приезжал редко.

Наташка. Они с твоей мамой характерами не сошлись?

Ленька. Ух, Наташка, ух, враг. Это же не твое дело. И не суй нос. Ты как эта, как кукубара.

Наташка. Я маме скажу, что ты меня плохими словами ругаешь.

Коля. Чего они нас с радиостанции выгна-

ли? Пустили бы меня к микрофону. Я бы его нашел. Я бы ему закричал — ты слышишь, я тут! Я совсем без тебя один. Чего ты молчишь?!

Наташка. Когда я болела, маленькая, он у нас на зимовке жил. Он меня носил на руках и сказку рассказывал про слоненка.

Ленька. Ух, Наташка, ух, враг. А я говорю вот что. В школе, в физическом кабинете, радиостанция есть — ребята собрали. Пошли, там Сережка Коновалов начальником. Он нас пустит. Он понимает. Его родители тоже вон где, на Нельмином Носе.

Ленька первый, за ним Наташка и Коля уходят.

Эпизод четвертый

Школьный кабинет физики. На столе собранная ребятами радиостанция и приборы, обязательные для школьных кабинетов физики. В стене маленькая дверь, ведущая в кладовую.

Сережка Коновалов записывает на магнитофон пение Ниночки Вострецово и аккомпанирует ей на гитаре. Ниночка поет: «Четвертый день пурга качается над Диксоном...»

Сережка. Стоп! Ты извини, давай снова.

Ниночка. А я могу хоть целый день.

Сережка. К твоему голосу трудно приладиться... Все время высокий уровень.

Ниночка (Кокетничая.) Ты так считаешь?

Сережка (Смущенно копается с магнитофоном.) Усиление слишком большое — отсюда хрипы и грязь. (Ждет, не поднимая головы, пока Ниночка прокашляется.) Начали...

Ниночка спела первую фразу.

Стоп!

В кабинет вошла Нитка с повязкой на рукаве.

Ниночка. Опять высокий уровень?

Нитка. Просто микрофон не форточка, и не пытайся в него просунуть голову.

Ниночка. Очень надо. Да я его хоть вот в тот угол поставлю — он от моего голоса лопнет.

Нитка. Вот я и говорю: нельзя ли потише?

Сережка (Он все пытался слово вставить.) Мы, Нитка, записываем...

Нитка. Я дежурная и прошу — пожалуйста, тише.

Ниночка. Что-то ты здесь дежуришь, а не там, где дети. (Встала в красивую позу.) «Четвертый день пурга качается над Диксоном...» Какой голос!

Нитка. С таким голосом нужно петь очень тихо, а еще лучше совсем не петь. Через все три этажа твое завывание проникает. А ты, Коновалов, обещал силовой трансформатор сменишь. (Включила станцию).

Ниночка. Научатся винтики ввинчивать, и

уже Ломоносовы. И чего ты все воображаешь? Может быть, у тебя голос есть? Ой, Нитка, Нитка, почему все некрасивые такие злые?

Наташка (Они втроем ввалились в каби-

нет.) Это наша Нитка некрасивая? Она даже в темноте красивее тебя!

Ниночка. А... это вы, Соколовы! (Пытается их вытолкнуть.) Усвистывайте отсюда, пока целы!

Ленька. И не пихайся — бодну!

Сережка схватил его за ворот.

Ниночка. Твои воспитанники. Хорошие у них манеры.

Наташка. Это у тебя манера петь, когда, может быть, люди на льдине гибнут. А ты, Се-

режка, за радиостанцией следить должен. А ты на гитаре брякаешь.

Радиостанция нагрелась и загудела. Сережка отпустил Леньку, принялся вместе с Ниткой подстраивать радиостанцию.

Ленька *(Залез на табуретку с ногами.)* Нам в эфир выйти нужно.

Сережка. Куда выйти?

Ленька. В эфир. Ты посмотри на человека. *(Показывает на Колю.)* Ему отца искать нужно.

Сережка. При чем тут я? При чем тут эфир? Нитка... *(Оглядывается на Ниночку.)* Ниночка...

Коля *(Оглядел Сережку с головы до ног.)* Эх, с ним все ясно.

Ниночка. Сережка, да гони ты их.

Коля. А вы, позвольте спросить, вы ресницы на бигуди накручиваете?

Ниночка. Какой нахал! Ах ты, козявка!

Коля. И с вами ясно!

Ниночка *(Нитке.)* А ты перестань ручки крутить. Ты на этих посмотри. Это твои воспитанники. Врываются. Грубят!

Сережка. Нитка, я тут все сделаю. Нитка, ну уведи свой детский сад, пожалуйста. *(Глянул на Ниночку и вдруг рассердился.)* Я, Нитка, не стерплю.

Нитка *(Уставилась на Сережку, выпучив глаза.)* И не зови меня Ниткой, у меня имя есть! У меня нет голоса, чтобы на всю школу вопить, но имя есть. Антонина Стекольниковна меня зовут, к вашему сведению.

Сережка. Да что ты, Нитка!

Нитка. Не зови!

Сережка *(Смешался.)* Я просто... Чего же тут такого?..

Наташка. Ух ты, Сережка, ух какой глупый. В тебя же наша Нитка влюблена. Ой, правда, влюблена...

Нитка *(Словно ее кольнули.)* Не ври! Не смей врать!

Наташка *(Обняла Нитку.)* Ой, Нитка, что ты в нем нашла? Такой длинный, и уши красные...

Нитка. Не смей... *(Отрывает от себя Наташку.)* Какие глупости! *(Но, глянув на Сережку, вдруг закрыла лицо руками и выскочила из кабинета.)*

Коля *(Грустно.)* И с ней все ясно.

Сережка *(Растерянно оглядывается.)* Я... думал, я ей без внимания...

Ниночка. Что?

Сережка. Нитка! Нитка! *(Выскакивает из кабинета.)*

Коля *(Ниночке.)* «Четвертый день пурга качается над Диксоном...»

Ниночка. Чего вы понимаете? *(Выходит спокойно, даже с некоторым презрением.)*

Ленька все это время крутил ручки радиоприемника, и он заговорил.

Радио. Я борт 77-456, я вызываю «Кристалл». Я борт 77-456, я вызываю «Кристалл»...

Ленька. Пошло. Сейчас переключим на передатчик *(Коле)*. Готовься... Говори.

Коля (*Очень волнуясь.*) Папа, ты где?

Наташка. Гидропост Топорково. Говори: «Я Коля, я Коля. Вызываю гидропост Топорково...» Ну, говори же...

Коля. Папа! Ну папа!...

Станция загудела, из нее повалил дым.

Сережка (*Вбежал. Вырубил станцию.*) Трансформатор сожгли. Он и так чуть-чуть дышал. (*Оглядывает комнату.*) Где Ниночка? (*Вдруг хватается Ленку и Колю и заталкивает их в маленькую дверь. Хватает Наташку.*) Тут

посидите, поостыньте. Не то вы все сожжете. (*Заталкивает и Наташку в кладовку.*)

Наташка. Ниночка твоя — кукла с закрывающимися глазами...

Сережка (*Запер дверцу на задвижку.*) Ниночка! Нина! (*Выбежал из кабинета.*)

В дверку изнутри барабанили шесть кулаков. Голоса: «Пусти! Открой, говорю! Ух, враг, открой!» Вдруг что-то упало за дверцей — разбилось. Крики и стук в дверь прекратились.

Наташка (*Из-за дверцы, очень испуганно и жалобно.*) Ой, что нам будет...

Эпизод пятый

Северное сияние раздалось вширь, переменило цвет с красного и зеленого на фиолетовый. Ночь стала строже, как если бы адмирал сменил свой парадный китель на боевую тужурку. Радиоголоса посуровели, и радио-музыка стала строже.

Радио. Борт 25-520. Я вертолетчик Залесинский. «Фиалка», на гидропосту Топорково никого нет. Собаки голодные, печь выстужена. Гидролог уехал по меньшей мере три дня назад.

Радио (*Голос Раи.*) Я «Фиалка». Вас поняла. Позывные на вездеходе Чимбарцева — «Снег», на волне, определенной для вездеходов. Поискать попробуйте, по радио.

Голоса Раи и вертолетчика Залесинского:

— «Снег», «Снег», я «Фиалка»...

— «Снег», «Снег»...

— «Снег», «Снег», я «Фиалка»...

— «Снег», «Снег»...

Вдруг ракета, красная и горячая, зашипела и повисла над горизонтом, и северное сияние словно согрелось от ее тепла.

Зимовка Соленая Губа. Изба с русской печью. На полу оленьи шкуры. На веревках шкурки песцов и горностаев. На стенах ружья разных калибров. В углу лыжи. На этажерке с книгами радиоприемник. Мама Наташки и Ленки — Мария Карповна, или попросту тетя Муся, закрыла дверь и с ракетницей в руке пошла к приемнику, покрутила ручку настройки.

Радио. Кроме массированных бомбовых налетов, американские ВВС обрабатывают химическими веществами джунгли Южного Вьетнама, в которых, по предположению командования американских войск, укрылись партизаны.

Тетя Муся вздохнула, перевела волну.

Радио (*Голос Раи.*) «Снег», «Снег», я «Фиалка». «Снег», «Снег», я «Фиалка». Гидролог Чимбарцев, если у вас поломка, бросайте вездеход и добирайтесь на лыжах до ближайшей зимовки.

Тетя Муся. Никак Евгений потерялся, Чимбарцев. Он же сына поехал встречать.

Радио (*Голос Раи.*) Зимовка Соленая Губа. Через несколько минут слушайте сообщение о ваших детях Наташе и Лене.

Тетя Муся. Давай сообщай матери, сколько у них двоек. Небось не порадуют мать пятерками — жди от них.

Радио (*Ленькиным и Наташкиным голосами.*) Нету у нас двоек. Ух, мама, почему ты о нас так плохо думаешь?

Тетя Муся (*Выключила приемник.*) Всегда матери перечут.

Радио (*Ленькиным и Наташкиным голосами.*) Мы тебя любим, а ты все ворчишь и ворчишь...

Тетя Муся. Я ж тебя выключила. Ты же молчать должен... Это от одиночества грезится. Посидишь тут, в тундре, и не такое пригрезится. Нет, меня не проймешь. У меня нервы крепкие. Я сейчас жажахну. (*Подходит к двери, палит из ракетницы.*) Я шороху наведу. Вот тебе, ночь окаянная. (*Снова стреляет.*)

Послышался лай собак.

Никак собаки? Или опять мерещится? Сейчас я еще жажахну.

Лай собак приблизился.

Нет, в самом деле. Қазбек лает. Степан!.. Степан!..

Собаки залаяли громко и хрипло. В избу вошел Ленкин и Наташкин отец Степан Васильевич в меховой одежде с головы до ног.

Ты чего так долго не ехал?

Степан Васильевич. У Ветровой Горы был. Ну чего ты?

Тетя Муся пытается его обнять.

Я же с мороза.

Тетя Муся (*Всхлипнула.*) Десять лет тут с тобой маюсь, а все привыкнуть никак не могу.

Везде беспокойно: где воют, где земля сама сотрясается. А я тут без дела, всех слышу, а помочь не могу. Я это радио разобью. Сними капшон-то, я тебя поцелую.

Степан Васильевич. Потом, мать, потом. Сейчас собак распрягать пойду. Лежат, языки на снег вывалили. Всю неделю в упряжке. *(Ушел распрягать собак.)*

Тетя Муся *(Подошла к приемнику, ткнула в него ракетницей.)* Теперь давай про ребят *(Включает)*.

Радио *(Голос Раи.)* Тетя Муся, ваши ребята чувствуют себя хорошо, здоровье у них отличное, аппетит прекрасный.

Тетя Муся *(В дверь.)* Степан, Степан! Иди, про ребят передают. Аппетит у них прекрасный.

Степан Васильевич *(Входит.)* У них всегда аппетит прекрасный... Собаки так уходишь — в катухи заползти не могут.

Тетя Муся. Про ребят передают, а ты про собак.

Степан Васильевич. Где же передают, свистят только.

Тетя Муся *(Подстраивает приемник.)* Чего же ты замолчала про ребят-то?

Приемник свистит и воет.

Сейчас скажет.

Степан Васильевич. Собакам корм задать нужно.

Тетя Муся. Эко, собаки! Ты послушай, что делается. У острова Воронина под полярной станцией льды разошлись. Самолет к ним пошел, а у них даже полосу разворотило... Евгений потерялся, Чимбарцев — розыск ведут. Сын сиротой растет, мать год назад померла. А теперь отец потерялся.

Степан Васильевич. Н-да... Собакам корм задать нужно. *(Вышел.)*

Радио *(Голос Раи.)* Директор говорит, Наташка и Леня ребята способные, только очень торопятся. Тетя Муся, вы не огорчайтесь, сейчас все ребята торопятся. Может, им витаминов много дают. Я как на них посмотрю — в глазах рябит. Это я говорю, Рая. Только что Наташка и Леня у меня тут толкались.

Радио снова засвистело и завывало.

Тетя Муся *(Вошедшему мужу.)* Ух, враг, вот они, твои детки, все в тебя, все куда-то торопятся! Только предметами заниматься не торопятся.

Степан Васильевич. Здоровые, сытые — вот и торопятся. Где-то у меня мазь была? По льду собаки шли. Лед острый, как рашпиль, собаки все лапы в кровь изодрали.

Тетя Муся. Ты садись, про детей послушай.

Радио *(Голос Раи.)* Тетя Муся, двойку Леня исправил.

Тетя Муся. Это какую двойку?

Степан Васильевич. Ты вроде похудела. Может быть, в отпуск тебе?

Тетя Муся *(Вытащила из печки кастрюлю.)* Где ремень? Куда ты ремень задевал?

Степан Васильевич. Маруся, где моя мазь?

Тетя Муся. Вон она, твоя мазь. На подоконнике.

Степан Васильевич *(Снимает ремень.)* Ты, что ль, ремень просила?

Тетя Муся. Ух, Степан, ух, враг, чего ты мне этот ремень суешь? Зачем мне ремень, если выпороть некого? Как я их выпорю, если я тут, а они там? Эти интернаты специально придумали, чтобы ребят от ремня спасать.

Степан Васильевич. Ничего, завтра собак запряжешь, в поселок съездишь, устроишь им выволочку и обратно. Только, слышь, не задерживайся. Мне без тебя скучно жить. *(Уходит с мазью.)*

Тетя Муся. Умный какой, как Леня. *(Собирает на стол.)* Я на поездку три дня потеряю — туда, да обратно, да там побыть. Я их на каникулах выпорю, в марте, когда сами приедут. Небось на локтях-то дыры. Обросли небось, и под ногтями, наверное, уголь. *(Всхлинула.)*

Радио *(Голос Раи.)* Зимовка Соленая Губа. Тетя Муся, напоминаю: в девятнадцать часов тридцать минут вы услышите ваших ребят. Они будут говорить.

Тетя Муся *(Смотрит на фотокарточку Ленки и Наташки.)* Я им поговорю... Радио придумали, чтобы детей не показывать. *(Погрозил приемнику.)* Не могут телевизоры установить. Может, они с лица осунулись. Мать по телевизору все разглядела бы. А по радио что увидишь? Ну, если они кашляют или хрипят, я и по радио обнаружу. Я им покажу, как с голыми шеями бегать.

Радио засвистело. Тетя Муся покрутила настройку. С улицы послышался шум двигателя. Собаки залились лаем.

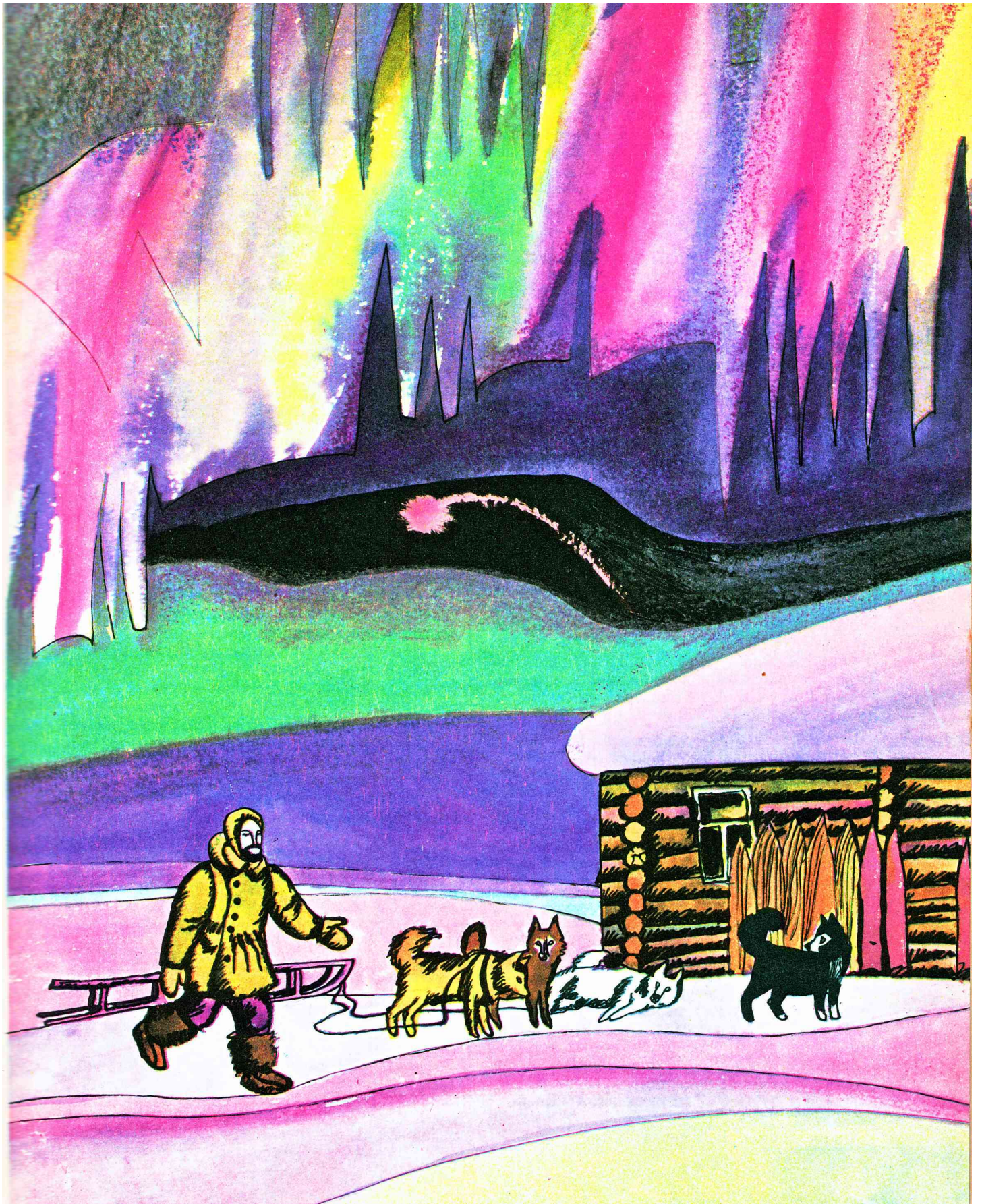
Радио *(Рая.)* «Снег», «Снег», я «Фиалка». «Снег», «Снег», я «Фиалка»...

Собаки вдруг завизжали радостно. Что-то грузное упало у самых дверей.

Степан Васильевич. Держись. Давай, давай...

Двери распахнулись. Степан Васильевич втаскивает гидролога Чимбарцева в заледеневшей одежде.

Тетя Муся. Господи, что с ним?.. Никак Чимбарцев? *(Подошла, помогает снять с гид-*

ролога полушубок.) Полушубок-то хоть лопай... Где же ты так, Евгений?

Степан Васильевич. Спирт у нас где? Тетя Муся. Да ты полушубок-то с него стаскивай. Брось на пол.

Степан Васильевич. На печку его. И спирту...

Вдвоем подсаживают Чимбарцева на печку.

Тетя Муся (*Подает спирт.*) Раздевай его. Снимай все.

Степан Васильевич. Давай спирт.

Тетя Муся. А я тебе что дала? Спирт и дала. (*Уносит полушубок за печку.*) Вот горе-то. И где это угораздило? Лед везде ледоколами не взломать, а он с головой окунулся.

Степан Васильевич (*Растирает Чимбарцева.*) Видать, в скалы ездил, к горячим ручьям.

Тетя Муся. Это из-за тебя, филин. Ты про ручки слух пустил. Кто сказал, что там, в скалах, пар идет?

Степан Васильевич. Ну, я сказал.

Тетя Муся. Так без тебя бы и не нашли?

Степан Васильевич. И не нашли бы. Летом в скалах туман, с самолетов не видно. Зимой и вовсе не видать — ночь.

Тетя Муся. Сам не лазал?

Степан Васильевич. Как не лазал? Лазал, да не смог. Там все осклизлое. Собаки не идут. Я же с Ленкой был, когда на каникулы приезжали, на Новый год. Куда ж я с Ленкой? Оступился бы, и поминай как звали.

Тетя Муся. А ты растирай, растирай, нечего разговаривать. Горит или как?

Степан Васильевич. Горит. Жар у него. И лицо обморожено, и руки, и колени. Его мазью надо.

Радио (*Голос Раи.*) «Снег», «Снег», я «Фиалка». Вы уже двое суток не выходите на связь. Если у вас поломка, бросайте вездеход и на лыжах добирайтесь до ближайшей зимовки. Если завтра в течение дня связь с вами не будет установлена, мы вышлем поисковый отряд. «Снег», «Снег», я «Фиалка»...

Чимбарцев. Меня зовут... Меня...

Тетя Муся. Тебя, тебя. А ты лежи спокойно, не ворочайся.

Чимбарцев. Передайте на базу...

Тетя Муся. Передадим, передадим... Ты лежи... (*Мужу.*) Как передать-то?

Степан Васильевич. Мазь, Мария — это лекарство. Я, спасибо ей, до сих пор с руками и ногами. (*Встает на табурет.*) Мазью промажу, и все. И будь здоров.

Радио (*Голос Раи.*) «Снег», «Снег», я «Фиалка».

Тетя Муся. Как передать-то?

Степан Васильевич. Что передать?

Тетя Муся. Ух, бестолковый! То, что он у нас, как передать? Его все кличут и кличут. Сын прилетел, а он потерялся. Поисковый отряд высылать собираются, а он вот, в тепле. Ему врача нужно, а у нас рации нет.

Степан Васильевич (*Садится за стол.*) Не положена нам рация, вот и нету.

Тетя Муся. А я тебе сколько раз говорила — добейся.

Степан Васильевич. Приемник — пожалуйста, в обязательном порядке. А передатчик нам не положен, мы не научная станция. А если что — и на собаках добежать можно.

Радио (*Голос Раи.*) «Снег», «Снег», я «Фиалка»...

Тетя Муся (*Перевела волну.*) Спит он. И успокойся. Жив твой «Снег». Спит растертый. Степан, у него на вездеходе рация есть.

Степан Васильевич. Разбитая, я посмотрел. У него весь передок смят. Радиатор на боку, как доехал? Где паяльная лампа? Я запаяю.

Тетя Муся (*Подает ему малицу.*) Одевайся.

Степан Васильевич. Я и в ватнике запаяю.

Тетя Муся. Одевайся, в поселок поедешь. Скажешь, что он у нас. Обмороженный. Пускай вертолет шлут с врачом.

Степан Васильевич. Сегодня ехать нельзя. Собаки с места не встанут. Сейчас их палкой не выгонишь.

Тетя Муся. А ты их лаской.

Степан Васильевич. Мария, я их неделю из упряжки не выпускал. Они у меня совсем слегли. Ну, думаю, кранты мне. Только когда ты из ракетницы палить начала, поднялись. Из последних сил дотянули. Я думаю, и Евгений твои ракеты увидел. Где паяльная лампа?

Тетя Муся. В сениях.

Степан Васильевич. Ты, Мария, Евгению аспирина дай и чаю со спиртом. Вот очнется, и дай. И меду дай. Завтра с утра собаки ходко пойдут, отдохнувшие... Где паяльная лампа?

Тетя Муся. Говорю — в сениях.

Степан Васильевич положил голову на стол и уснул.

И не поел даже! (*Подойшла к приемнику, крутит настройку.*)

Радио. Я «Кристалл». Я «Кристалл».

Тетя Муся придвинулась к приемнику ближе.

Полосу расчищаем. Уже прошли половину. Лед толщиной более трех метров, продолжает ло-

маться во всех направлениях. Ощущаем толчки. Борт 77-456, к полуночи, думаю, полоса будет готова. Если ее сломает, снова придется бросать оборудование и уходить от острова в океан.

Тетя Муся вздохнула, перевела волну.

Радио (*Голос Раи.*) Зимовка Соленая Губа, зимовка Соленая Губа. Тетя Муся, ваши ребята, Наташка и Ленька, в назначенный час на радиосеанс не явились. Да вы не беспокойтесь, тетя Муся, они тут толкались, потом куда-то исчезли и не явились. Наверно, гоняют где-нибудь. Я им завтра задам, тетя Муся...

Тетя Муся (*Совершенно растерянно.*) Как это не явились? А куда же они делись?

Радио (*Голос Раи.*) Ребята ведь все такие. Матери ждут, а они и не помнят.

Тетя Муся (*Трясет мужа за плечо.*) Степан, Степан. Дети на радиосеанс не явились. Месяц целый ждешь, чтобы хоть голос их послушать, а они не явились. Нет, ты скажи мне, какие у них заботы посторонние, чтобы матери несколько слов не сказать по радиосвязи?

Степан Васильевич не просыпается, только мычит.

Чимбарцев (*Разбуженный тети-Мусяным криком.*) Пить...

Тетя Муся. Сейчас. (*Наливает чай.*) Сейчас, дорогой. Со спиртом, с вареньем морошковым. Как ликер, правда?

Чимбарцев (*Отдает чашку.*) Я «Снег», я «Снег», как там мой Коля? «Фиалка», ты за ним пригляди...

Тетя Муся. Приглядит, приглядит. (*Надевает малицу, унты.*)

Радио. Говорит центральная метеорологическая станция. Передаем штормовое предупреждение. Из околополюсных районов в юго-западном направлении движется ураганный циклон. Завтра циклон пройдет над зимовками Дальняя, Нельмин Нос, Трофимовка, гидропост Топорково, Соленая Губа, порт Красин. Вылеты в этот район запретить. Всем подвижным средствам вернуться на базу или найти укрытия.

Тетя Муся выключила приемник, взяла лыжи и вышла в ночь.

ТАК ДЕРЖАТЬ, ЭКСПЕДИЦИЯ!

В. Смирнов,
заместитель председателя
Центрального Совета Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

Тебе, наверное, интересно узнать, что делают сейчас твои сверстники в разных уголках страны?

«Катаются на коньках», — скажешь ты. И это правильно. «Ходят в кино». И это тоже верно. «Учатся». Совершенно точно.

Но есть и другие дела. Например, юные ленинградцы собирают по заданию Музея имени В. И. Ленина материалы о пребывании Владимира Ильича и его соратников в городе на Неве.

Подмосковные пионеры усиленно строят стадионы и спортивные площадки.

А ребята из 7-а класса 16-й школы города Кемерово сдали уже 50 тонн металлолома. А это — семь тракторов! И все семь войдут в стотысячную тракторную колонну, металл для которой собирают пионеры страны.

Сколько нужно всего металла? А вот сколько: если каждый из нас соберет не менее 12 килограммов, — тогда хватит.

Чем заняты школьники Воронежской области? Они заложили 125 парков и скверов. А пионеры Алтайского края? Создали 30 школьных лесничеств. А ребята из города Куйбышева? Начали посадку деревьев вдоль дороги, которая ведет из Куйбышева в село Алакаевка.

Про операцию «Чукотка», уверен, слышали все: ведь каждый день на специальный счет ЦК ВЛКСМ поступают деньги, заработанные вами на сборе металлолома, макулатуры, лекарственных трав...

Это юные москвичи предложили построить Дворец пионеров в поселке Анадырь, — почти на самом краю Советской земли.

Пока архитекторы чертят свои чертежи, а вы собираете средства, пройдет, может быть, год или полтора. Но Дворец обязательно будет!

И поэтому уже сегодня ребята из 25-й московской школы мастерят азросани, игротеху и собирают книги о В. И. Ленине, а пионеры Ташкента шьют национальные костюмы и вырезают из дерева всякие смешные игрушки. И любой ВЛШ подарок, сделанный от всего сердца, тоже придется по нраву ребятам из Анадыря.

Невозможно перечислить всего, что делается сейчас важным пионерами страны. Получилась бы большая толстая книга. А может, две. И, как вы уже догадались, все эти книги были бы целиком посвящены делам Всесоюзной пионерской экспедиции «Заветам Ленина верны». Потому что и тракторы, и сады, и новые спортивные площадки, и сбор лекарственных трав, и тонны макулатуры, и операция «Чукотка», и поиски красных следопытов, — только часть всей грандиозной экспедиционной работы.

Но хочу еще раз напомнить вам, Всесоюзная экспедиция — это не соревнование, где есть победители и побежденные. Это общее дело всего коллектива. И работу каждого отряда, каждой дружины надо оценивать прежде всего по тем хорошим переменам, которые произошли в жизни каждого из вас. В отношении к учебе, к общественным делам, к своим товарищам по классу и школе. Здесь правильнее говорить не о победителях экспедиции, а о тех, кто отличился в общей работе.

Пусть таких отличившихся будет как можно больше!

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

Это стихотворение написано вскоре после войны, под непосредственным впечатлением увиденного и пережитого на Ленинградском фронте. Даже строки о войне гражданской исполнены опытом Великой Отечественной:

Полк
Шинели
На проволоку побросал, —
Но стучит над шинельным сукном пулемет, —
И тогда
еле слышно сказал комиссар:
— Коммунисты, вперед! Коммунисты, вперед!

Так было в 1942 году, в одной из разведок боем, которую вел пехотный батальон километрах в пятнадцати от Ленинграда. Именно там пришлось бросать шинели на колючую проволоку и ползти по ним под пули.

Меня всегда глубоко волновала идея жизни как жертвы во имя идеала. В наиболее резких формах эта идея воплощалась на фронте, где вместо напыщенных речей звучали краткие слова команды или же вообще безо всяких слов люди поднимались и шли в бой. Конечно, приказ есть приказ, и его невыполнение карается на фронте особенно жестоко. Конечно, «есть упоение в бою». Но над приказом, над железом дисциплины и даже над вечной категорией «упоения» существует высшая воодушевляющая сила, глубокая убежденность в своей правоте, веяние идеала.

А вот написано это стихотворение было вроде бы «по заказу». Ныне покойный поэт Павел Шубин заведовал тогда в журнале «Знамя» отделом поэзии и предложил мне написать что-либо ко дню Красной Армии, а я, вспоминая о тех, кто жертвовал собой, выполнил «заказ» журнала как умел и как мог. Вот и вся история этого стихотворения.

Александр Межиров

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!

Есть в военном приказе
Такие слова,
На которые только в тяжелом бою
(Да и то не всегда)

Получает права
Командир, поднимающий роту свою.
Я давно понимаю
Военный устав

И под выкладкой полной
Не горблюсь давно.
Но, страницы устава до дыр залистав,
Этих слов
До сих пор
Не нашел
Все равно.

Год двадцатый,
Коней одичавших галоп.
Перекоп.
Эшелоны. Тифозная мгла.
Интервентская пуля, летящая в лоб, —
И не встать под огнем у шестого кола.

Полк
Шинели
На проволоку побросал, —
Но стучит над шинельным сукном пулемет,
И тогда

еле слышно
сказал
комиссар:
— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

Есть в военном приказе
Такие слова!
Но они неподвластны
Уставам войны.
Есть —
Превыше устава —
Такие права,
Что не всем,
Получившим оружие,
Даны...

Сосчитали штандарты побитых держав,
Тыщи тысяч плотин
Возвели на реках,
Целину подымали,
Штурвалы зажав
В заскоруженных
Тяжелых
Рабочих
Руках.

И пробило однажды плотину одну
На Свирьстрое, на Волхове иль на Днепре,
И пошли головные бригады
Ко дну,
Под волну,
На морозной заре,
В декабре.

И когда не хватало
«...Предложенных мер...»
И шкафы с чертежами грузили на плот,

Еле слышно
сказал
молодой инженер:
— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

Летним утром
Граната упала в траву,
Возле Львова
Застава во рву залегла.
«Мессершмитты» плеснули бензин

в синеву, —
И не встать под огнем у шестого кола.

Жгли мосты
На дорогах от Бреста к Москве.
Шли солдаты,
От беженцев взгляд отводя.
И на башнях,
Закопанных в пашни «КВ»,
Высыхали тяжелые капли дождя.

И без кожуха
Из сталинградских квартир
Бил «максим»
И Родимцев ощупывал лед.
И тогда

еле слышно
сказал
комиссар:
— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

Мы сорвали штандарты
Фашистских держав,
Целовали гвардейских дивизий шелка
И, древко
Узловатыми пальцами сжав,
Возле Ленина
В Мае
Прошли у древка...

Под февральскими тучами
Ветер и снег,
Но железом нестынушим пахнет земля.
Приближается день.
Продолжается век.
Индевеют штыки в караулах Кремля...

Повсеместно,
Где скрещены трассы свинца,
Или там, где кипенье великих работ,
Сквозь века,

на века,
навсегда,
до конца:
— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

Рисунок В. Орлова

САМИМ УВИДЕТЬ, САМИМ УСЛЫШАТЬ, САМИМ НАЙТИ!

*Под таким девизом
путешествовали по Волге юные «искровцы»*

Борт теплохода «Герой Юрий Гагарин».

Едва, по меткому выражению Наташи Суховой, распрощались «со всеми видами родственников» и «утрастились» по каютам, радио объявило: «Сейчас состоится встреча юных «искровцев» из Ленинграда (а мы-то готовы ли?) с командой теплохода, свободной от несения вахты, и пассажирами».

Собираемся на палубе. Приносим с собой выставку-передвижку о В. И. Ленине и Н. К. Крупской.

Первый вопрос нам задает штурман Олег Иванович Бакеркин.

— С какой целью едете?

Таня Антропова — экскурсовод со стажем, отвечает с волнением, но четко:

— По заданию ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина, по заданию Совета юных «искровцев» — за впечатлениями и за документами о деятельности В. И. Ленина, Н. К. Крупской и их революционных соратников, о борьбе за создание нелегальной газеты «Искра»...

Пассажиры теплохода удивлялись, услышав о серьезности нашего задания: уж очень мы были похожи на обыкновенных туристов.

С командой теплохода мы подружились и в знак дружбы получили вымпел, который было решено считать нашим походным...

Некоторые записи из Дневника «искровцев»:

«Мы сегодня встали рано,
Спать забота не дает:
Вот Терентьева Татьяна
Для «Костра» дневник ведет...»

Восьмое Большое Путешествие

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

«...Поднялись на верхнюю палубу и увидели вдалеке множество заводских труб и высоких домов.

14. 30. Подходим (имеется в виду теплоход) к Горьковскому причалу.

Сегодня началась поисковая работа. Заполнены первые карточки походной картотеки, посвященной выпуску газеты «Искра»... Мы побывали в домах, где в 1894 году останавливался Владимир Ильич, когда приезжал в Нижний».

(Запись Нины Фунтиковой. Нина была старшей в группе, «прикомандированной» к историко-архитектурному музею).

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С „ИСКРОЙ“

В Горьком, спустя много времени после революции 1917 года, на улице со странным названием — Телячья — сносили дом. Под домом оказалась траншея со стенами, обитыми войлоком. Под войлоком прятались тоненькие свинцовые пластинки — шрифт подпольной типографии.

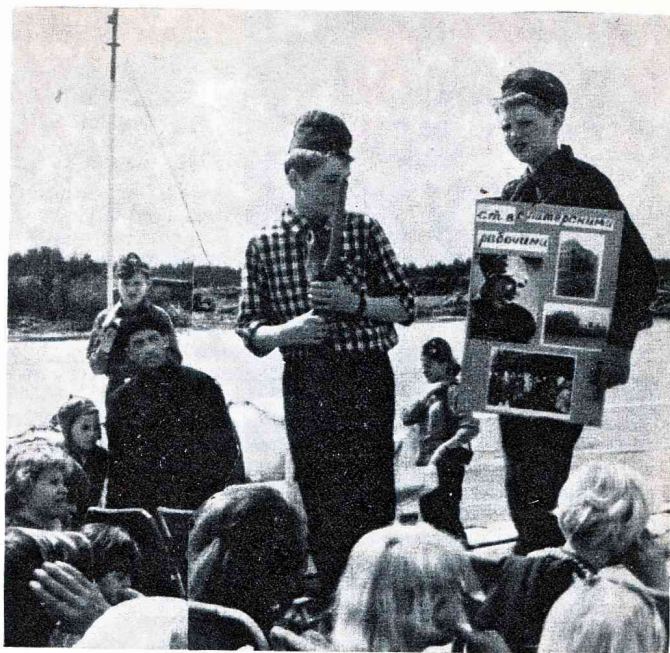
— Интересно? Еще бы!

Нина на то и старшая в группе, чтобы излишним восторгом не поддаваться, знать, что на память полностью полагаться нельзя, все надо сразу же записать. Тем более, когда попадаются малоизвестные «искровцам» сведения.

Маргарита Павловна, сотрудник музея, охотно обещает ребятам показать материалы

В этом доме открыт музей сестер Невзоровых

Шлюпочная палуба залита солнечным светом. Мы проводим беседу, посвященную жизни Надежды Константиновны Крупской... Сначала мы даже не знали, кто будет нас слушать. Но скоро успокоились: пассажиров собралось более чем достаточно...

фонда, связанные с этим периодом революционной работы.

Владимир Ильич не раз приезжал в Нижний, чтобы встретиться с членами «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Нижегородцы Анатолий Ванеев, Михаил Сильвин, сестры Зинаида и Софья Невзоровы стали друзьями Владимира Ильича.

Весной и летом 1900 года Ленин объехал несколько крупных городов, чтобы договориться о выпуске и распространении газеты «Искра». В июне он останавливался в доме сестер Невзоровых вместе с матерью и сестрой Анной. В этом доме недавно открыт музей.

Ребята узнали о выступлении Ленина перед марксистами Нижнего Новгорода и поняли, что Ленин был доволен поездкой в Нижний. Товарищи поддерживали его идею создания за границей общерусской нелегальной газеты «Искра». Здесь же после собрания Ленин договаривался с будущими корреспондентами «Искры» о технике пересылки нелегальной литературы.

Только два дня в свой последний приезд пробыл Ленин в Нижнем Новгороде. Дальнейший путь его лежал в Уфу, где отбывала срок ссылки Надежда Константиновна Крупская и где Ленина ждали по делам «Искры».

„Костра“ продолжается

ЗАГЛЯНЕМ В БЛОКНОТЫ „ИСКРОВЦЕВ“

ЗАПИСЬ ПЕРВАЯ:

«Оказывается, еще в конце 1901 года была попытка привезти из Киева в Нижний Новгород печатный станок. Но из этого ничего не вышло. А жаль!»

Ленин и Крупская считали организацию типографии крайне необходимой. Второго мая 1902 года Крупская писала Кржижановскому: «Надо наладить дело с новой техникой, а потому следует согласиться с предложением нижегородцев. У нас есть четыре тюка с типографскими принадлежностями и шрифтом. Нижегородцы просили прислать им таковой».

Типографию организовали сначала в Понегавке Арзамасского уезда под видом лавки. Все шло хорошо, пока однажды не заглянула в лавку соседка. Пришлось срочно менять адрес типографии. Так она переехала на Телячью улицу. Теперь над типографией висела доска — «Торговля Брюховецкого».

ЗАПИСЬ ВТОРАЯ:

«...переснял любопытный документ — листовку, выпущенную этой типографией — «К рабочим механического завода Общества «Мазут». Типография, как мы узнали, выполняла и другие ответственные задания редакции «Искры».

Сергея Замятнин

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

«Это был наш первый день в Казани. Уже на вокзале нас встретили ребята из той школы, где нам предстояло разместиться на два казанских дня... В нашем плане Казань и Кокушкино. Но в первый же день после обеда побывали в Университете имени Ульянова-Ленина...»

Запись Саши Грекова

ЗАПИСЬ ТРЕТЬЯ:

«Теперь мы поняли, как прав был Семен Абрамович Рубанов, когда так тщательно готовил нас к поездке! Еще год назад, в Москве, несколько наших ребят встретились с Маргаритой Васильевной Фофановой. Маргарита Васильевна тогда только что вернулась из Перми:

— Побывала на родине и чувствую, помолодела, — рассказывала Маргарита Васильевна о своей поездке по пути агитпарохода «Красная Звезда».

Впервые тогда «искровцы» узнали, что на этом самом пароходе в 1919 году проехала по Волге и Кама Н. К. Крупская.

«Задачи «Красной Звезды», — писала Крупская, — ехать по следам белых, вести агитацию, проводить линию, принятую на Восьмом съезде партии, закреплять всюду Советскую власть».

Маргарита Васильевна подарила ребячьему музею газету «Большая Кама» со статьей о походе «Красной Звезды». Ребята из 35 школы Казани познакомили «искровцев» с бывшим помощником капитана «Красной Звезды» Николаем Михайловичем Глазуновым.

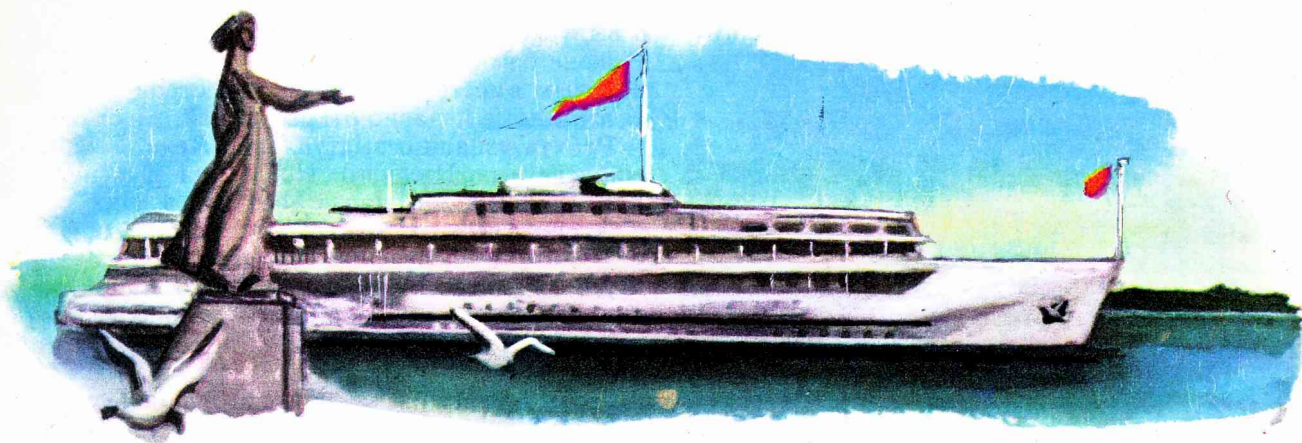
Нина Спиридонова

БОЛЬШАЯ КАМА

«Агитпароход ушел в затон, отслужив более полувека. На память о его славной жизни ребята получили рассказ Николая Михайловича — тоненькую ученическую тетрабочку в зеленой обложке».

Запись Андрея Гаврилова,
Инны Пинчук

Современный теплоход на Волге

НАШ ДРУГ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

Бывший старший помощник капитана «Красной Звезды» помнит события далекого 1919 года так, как будто это было вчера...

«... не хватало хлеба, свирепствовал тиф. Колчаковские банды перед отступлением из Перми загнали в устье Чусовой значительную часть флота и сожгли его. Речники делали невозможное, поднимали суда, восстанавливали их... В Перми «Красная Звезда» стояла четыре дня. За это время состоялось 15 киносеансов. Желающих посмотреть революционные фильмы было так много, что один сеанс проводили ночью на открытом воздухе. Агитация за Советскую власть проводилась, если можно так сказать, вполне наглядно. На пароходе был склад готовых библиотечек для сельских домов культуры, большой запас детского белья для детских домов. Газета, выпускавшаяся на пароходе, рассказывала в каждом свежем номере о наступлении Красной Армии, о партизанском движении, о жизни Прикамья».

Н. М. Глазунов стал почетным „искровцем“

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ

«Сегодня все встали рано, без понуканий, потому что решено было целый день провести в Кокушкино.

Доехав до места на автобусе, мы пешком пошли к домику, в котором когда-то жил Володя Ульянов. Из книжки Н. Веретенникова, двоюродного брата Владимира Ильича, мы уже знали о жизни семьи Ульяновых

в Кокушкино. Нашим экскурсоводом по музею Ульяновых был директор кокушкинской средней школы.

Дом, в котором жил Владимир Ильич во время своей первой ссылки, восстановлен. В комнате Владимира Ильича все как было при нем...»

ПОЕЗДКА В ЛЕНИНО-КОКУШКИНО

Рассказывает руководитель юных «искровцев» С. А. Рубанов

— Как обычно, день начали с пионерской линейки. Утвердили маршрут на сегодня...

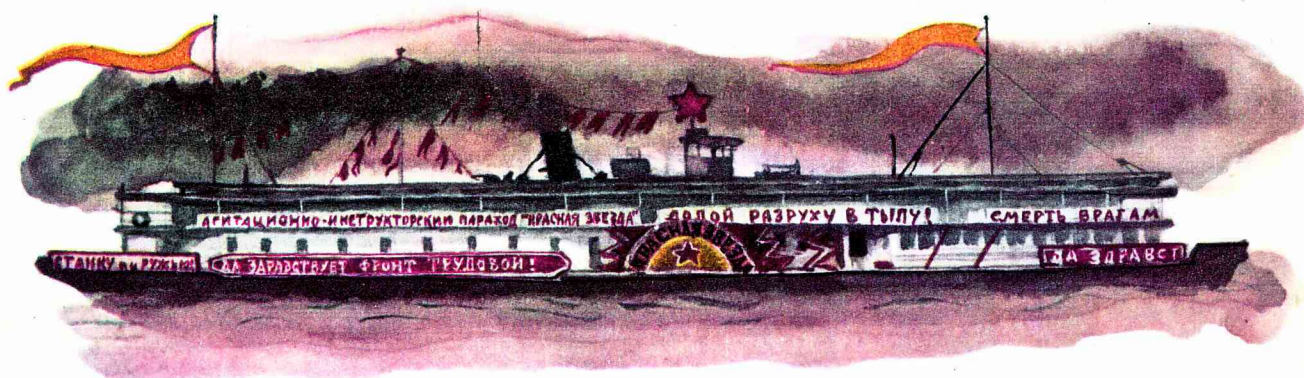
Важное задание получили Сережа Замятнин и Саша Греков, сфотографировать ленинские места в Черемышево, это километра три в сторону от Кокушкино. Впервые ребята от-

правлялись в самостоятельный поход. Уверяли остающихся, что все будет в порядке. Забегая вперед, надо сказать, что мальчикам не повезло: они попали в трясину, заблудились в чистом поле... В конце дня пришли к нам насквозь мокрые, и если брюки и рубашки

высохли, то пленка оказалась безнадежно испорченной...

Итак, едем в школу имени Марии Александровны Ульяновой и дом-музей.

Накануне, в Казани «искровцы» побывали в гостях у Татьяны Павловны Басовой-Жаковой. Встреча произвела боль-

Пароход „Красная Звезда“ в 1919 году

Дом-музей в Кокушкино

«В комнате Володи была самая простая обстановка: деревянная койка на козлах, на стене полка с книгами, простой шкаф, два-три стула, складная табуретка, стол. Тут же стоял у двери столярный верстак; его хотели убрать, но Володя сказал, что убирать не надо — на него можно класть книги...»

Потом, ближе к весне, в этой комнате с ним жил и его младший брат Митя». (Из книги «Володя Ульянов»).

**Средняя школа имени
М. А. Ульяновой**

Теперешняя Ленино-Кокушкинская школа похожа на многие другие хорошие школы нашей страны: здесь так же заливисто зовут на урок звонки, так же шалют и шумят ребята. Но ни в одной другой школе нет такого музея. Ребята бережно собрали все, что относится к жизни Марии Александровны Ульяновой в Кокушкино, а она прожила здесь безвыездно четверть века... Ребята знают, что в их школе бывал Владимир Ильич, и гордятся этим.

На долгую память ленинградцам от кокушкинцев. На этом снимке вперемешку те и другие.

Пионеры этой школы захотели принять участие в поисковой работе «искровцев» и подали заявление о приеме в их ряды.

*Просим принять нас в
ряды юных искровцев для
дальнейшей поисковой работы*

ЛЕНИНО КОКУШКИНСКАЯ
СРЕДНЯЯ ШКОЛА
ИМ. МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ УЛЬЯНОВОЙ
ЛЕСТРЕЧИНСКОГО РАЙОНА ТАССР

шое впечатление: ведь бабушкой Татьяны Павловны была Софья Александровна — родная сестра Марии Александровны Ульяновой.

Татьяна Павловна многое знает из тех далеких времен. Она рассказала о летних каникулах в Кокушкино, когда Володя и Аня вместе с другими своими братьями и сестрами приезжали отдыхать, купаться, ловить рыбу.

В декабре 1887 года Владимир Ульянов был впервые арестован в Казани за участие в революционном движении студентов. Его исключили из Университета и выслали в Кокушкино под негласный надзор полиции. Туда же в это время была сослана Анна Ильинична.

Лето и осень 1888 года — до начала холодов, — рассказала Татьяна Павловна, — Володя и Аня с моей бабушкой прожили в Кокушкино. Только в начале октября Володя получил разрешение от властей переехать в Казань из места своей первой ссылки.

Под впечатлением этого рассказа разбрелись «искровцы» по кокушкинским местам, записывают, делают зарисовки памятных мест: вот тут Владимир Ильич мог ходить на лыжах, здесь сидеть на берегу речки Ушни...

Кое-кто из ребят спускается к Ушне, к старой купальне. Если закрыть глаза, услышишь только легкий шелест ветерка в листве, журчанье воды, кваканье лягушек. Настоящая деревенская тишина.

— И зачем тут асфальт, массивная ограда, — удивился кто-то. («Искровцы» знали уже, что в Шушенском воссоздается все так, как было в период ленинской ссылки). Жамиля Зинатовна — директор музея — согласилась с ребятами, а мне пришлось по душе их вмешательство в этот немаловажный вопрос...

Н. И. Веретенников

«Искровцы» уже знали до приезда в Кокушкино, как много времени и усилий потратил Н. И. Веретенников, двоюродный брат Ленина, восстанавливая каждую мелочь далекого, дорогого ему прошлого. Ребята запомнили такие слова Николая Ивановича: «он ставил целью жизни с предельной точностью передать то, что ярко сохранила память в силу значимости юного Владимира Ильича Ленина».

Н. И. Веретенников написал книгу для детей «Володя Ульянов», самые удачные места которой — воспоминания о детстве, о детской дружбе с Володией, об отношении юного Володи Ульянова к людям, труду, родной природе.

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ

«Мы на пути в Куйбышев...»

У нас в каюте собралось несколько человек, стали рассказывать друг другу фантастические истории. И вдруг принесли почту. Настроение было очень веселое, и мы договорились так: кто получит одно письмо, — мяукает, кто — два — лаает, а уж кто — три — танцует... В каюте то и дело слышалось мяуканье и гавканье. Плясала только Таня Терентьева — она получила четыре письма.

В Куйбышеве нас встречала Мария Ивановна, завуч школы № 68.

Мы посетили Мемориальный музей В. И. Ленина и памятные ленинские места».

НА РОДИНЕ ЛЕНИНА

Когда Лиля, Андрей, Ира и Светлана в январе прошлого года ехали в Ульяновск на слет «Дорогами ленинской мечты», их напутствовала бывшая связная Ленина Лидия Петровна Парвизайнен.

Лидия Петровна подарила ребятам тогда еще неопубликованную стенограмму воспоминаний о Владимире Ильиче своего мужа Эйно Рахья, тоже связного Ильича.

Ребятам повезло: они побывали в Ульяновске дважды; тогда, зимой, на их глазах сносили дома, перестраивали целые улицы. Теперь, незадолго до столетия Владимира Ильича Ленина, они видели, как возникает Ленинский Мемориал.

Сохранились четыре дома, в которых жили Ульяновы с 1869 по 1887 год. Дом на бывшей Московской улице (теперь улица Ленина, 58), где они поселились в 1878 году, стал Мемориальным музеем В. И. Ленина.

Во время недолгой остановки теплохода в Ульяновске ребята побывали на могиле отца Ленина Ильи Николаевича Ульянова.

Мужская гимназия в Симбирске, где учился Володя Ульянов. (Володя сидел на последней парте у окна...)

Через несколько дней, уже в Саратове, «искровцы» познакомились с Саввой Саввичем Семеновым, старожилом Симбирска.

Савва Саввич тоже окончил Симбирскую гимназию, но гораздо позднее, в 1912 году, причем занимался у того же учителя, что Володя Ульянов.

Савва Саввич подарил ребятам билет выпускника гимназии.

Рассказ Лидии Петровны Парвизайнен юные «искровцы» записали по просьбе газеты «Ульяновский комсомолец».

— Вот я и побывала на родине Ильича, — улыбается Лидия Петровна, читая свое интервью в газете.

ДЕНЬ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

«... Только после основательной «проработки» мы покинули палубу, которая стала в этот вечер танцплощадкой, и разошлись по каютам. Семен Абрамович, кажется, действительно недоволен нарушением режима».

Запись Наташи Суховой

«Утро. Мы — в Саратове. Нас встречают энгельситы, пионеры из города Энгельса сами так называют себя. Цветы! Приветствия! Приглашение в гости. В помещении речного вокзала снимаем рюкзаки, расправляем плечи...»

В этот день мы поели мороженого. Событие знаменательное: до сих пор Семен Абрамович мороженого не разрешал».

Игорь Дашкевич

«... у больного, у Миши, под матрацем был целый склад воблы. После того, как все попробовали воблы, количество воды в Волге немного уменьшилось. До вечера раздавался хруст рыбьих позвонков».

Таня Барботина

это была в 1901 году выслана из Петербурга в Самару. Зинаида Игнатьевна помнит, как поступила учиться в Самарскую женскую гимназию, и однажды рядом с ней за парту посадили «новенькую», Марию Ильиничну Ульянову. Вся семья Здановичей находилась на подозрении у властей, и недаром: на квартире отца Зины собирались местные социал-демократы.

В Куйбышеве ребята подружились с комсомольцем 20-х годов, Александром Афанасьевичем Незамаевым, сорок три года прослужившем на железной дороге. Александр Афанасьевич — организатор и общественный директор Музея в депо. Все послевоенные годы неутомимый энтузиаст разыскивал ушедших на фронт земляков, рабочих-железнодорожников. Многих разыскал. Тем, кого нет в живых, установлен памятный обелиск в нескольких шагах от депо.

Ребята встретились с племянницей Лидии Михайловны Книпович Юлией Николаевной Книпович, живущей в Ленинграде.

ТРИ ДНЯ В САМАРЕ

Еще до поездки на Волгу на одном заседании своего Совета юные «искровцы» записали на память слова Н. К. Крупской: «В Самаре (у Сони) жили Кржижановские—Глеб Максимилианович и Зинаида Павловна... В Самаре сразу образовалось нечто вроде Центра».

И вот, наконец, Куйбышев (бывшая Самара). Своими глазами ребята увидели, где жил Глеб Максимилианович, который был выбран Владимиром Ильичом в руководители искровского самарского центра.

Весь отряд «искровцев» отправился в депо, в музей «Искры».

Путь лежал через железнодорожный вокзал. Летом 1900 года, возвращаясь из Уфы, сюда приезжал Владимир Ильич, чтобы встретиться с самарскими социал-демократами и организовать искровскую группу.

В октябре 1901 года на перрон самарского вокзала сошла с московского поезда Мария Ильинична. В Самаре она отбывала ссылку.

Рассказывает Лиля Вульфович, председатель Совета юных «искровцев», и Света Скоробогатая:

— Мы и не думали, что нам так повезет: мы встретили Зинаиду Игнатьевну Зданович, которая видела Владимира Ульянова в девяностых годах прошлого века и помнит встречи с семьей Ульяновых.

Зинаида Игнатьевна рассказала нам, как она принимала участие в студенческой забастовке, вернее, демонстрации, и за что была в 1901 году выслана из Петербурга в Самару. Зинаида Игнатьевна помнит, как поступила учиться в Самарскую женскую гимназию, и однажды рядом с ней за парту посадили «новенькую», Марию Ильиничну Ульянову. Вся семья Здановичей находилась на подозрении у властей, и недаром: на квартире отца Зины собирались местные социал-демократы.

В Куйбышеве ребята подружились с комсомольцем 20-х годов, Александром Афанасьевичем Незамаевым, сорок три года прослужившем на железной дороге. Александр Афанасьевич — организатор и общественный директор Музея в депо. Все послевоенные годы неутомимый энтузиаст разыскивал ушедших на фронт земляков, рабочих-железнодорожников. Многих разыскал. Тем, кого нет в живых, установлен памятный обелиск в нескольких шагах от депо.

ГЕНИЙ КОНСПИРАЦИИ

... 21 мая 1900 года Владимира Ильича допрашивал начальник санктпетербургской охраны полковник Пирамидов. В протоколе допроса есть такие слова Владимира Ильича: «Получена квитанция в отправке письма в Астрахань на имя Книпович Лидии Михайловны, проживающей постоянно в городе Астрахани, которой с этим письмом я отправил свою фотографическую карточку».

Вряд ли Владимир Ильич отправил Лидии Михайловне («Дяденьке») только фотографию, но жандармы поверили и тому, что Лидия Михайловна — родственница Надежды Константиновны Крупской.

Более четверти века связывала тесная дружба и совместная партийная работа Надежду Константиновну и Лидию Михайловну. «Без таких людей, как Лидия, наша партия никогда не могла бы победить, стать тем, что она есть», — писала Крупская.

В представлении ребят, которые теперь побывали в Куйбышеве и Астрахани, Л. М. Книпович — настоящий гений конспирации, человек, до конца преданный делу революции.

... «Дяденька» не жила в Астрахани постоянно, здесь она отбывала ссылку. Каждый отъезд из города именно поэтому был рискованным. В 1900 году «Дяденька» ездила в Уфу, чтобы договориться о создании в Астрахани подпольной типографии. Вела Книпович постоянную переписку с редакцией «Искры», стала активным агентом «Искры»: налаживала транспортировку газеты Кржижановскому, в Самару.

Лиля, Света, Нина и Наташа провели несколько часов в астраханском архиве, чтобы разузнать все о героической работе «Дяденьки». Листая жандармские дела на Книпович, девочки убедились в том, что она не раз обводила вокруг пальца пронырливых царских сыщиков.

Вот, например, что записали «искровцы»: «Первого мая 1902 года Лидия Михайловна выезжает в Баку по делам подпольной типографии «Нина».

Восьмого мая того же года едет в Самару, а оттуда в Финляндию по делам «Искры».

Двадцать четвертого декабря — в Курск...

Семнадцатого марта 1903 года — в Вологду...

А вот как доносили сыщики о передвижении Книпович по указанным маршрутам: «...поднадзорной Книпович в Баку не обнаружено», «... В Самаре... не обнаружено!», «В Курск не приехала...», «В Вологде не была!». Трудно преуменьшить опасность, которой подвергались агенты «Искры» во время своих деловых поездок по стране. «Скольким жандармам задала она работу!» — восхищенно отзывался кто-то из юных «искровцев» в своем блокноте.

Л. М. Книпович в 1903 г.
Портрет публикуется впервые

Музей в железнодорожном депо имени Г. М. Кржижановского. Здесь, на квартире руководителя самарского Центра, происходило важнейшее для судьбы «Искры» совещание. Это отсюда писал в редакцию «Искры» Глеб Максимилианович: «Все очень хорошо, но, други мои, за нами отчаянно следят... Надо быть гением конспирации».

В ответ на это письмо Владимир Ильич Ленин просил Кржижановского пуще зеницы ока беречь себя, чтобы справиться с главной задачей — подготовкой Второго съезда РСДРП.

В ГОСТЯХ У БАКИНСКОЙ „НИНЫ“

Баку — город нефтяников. В день приезда ребят пригласили посмотреть, как работают на нефтеперегонном заводе. Знакомясь с производством нефти, добросовестно строили в своих блокнотах...

Большое впечатление на всех произвели не только цеха современного завода, но и ком-

ната трудовой и боевой славы при заводе. Здесь «искровцы» оставили горсть земли с Марсова поля.

...Главной задачей искровских групп В. И. Ленин считал транспортировку газеты «Искра» из-за границы и ее распространение в России. Уже весной 1901 года бакинские

искровцы В. З. Кецховели, Л. Б. Красин и М. Е. Гальперин установили тесную связь с Лениным и редакцией «Искры». Это был один из важнейших путей «Искры» в Россию: Берлин — Вена — Тавриз — Баку.

Из Тавриза в Баку газета «Искра» и вся революционная литература тайно доставлялись на лошадях через русско-иранскую границу, поэтому в пар-

А. С. Енукидзе

Л. Б. Красин

С. Т. Тодрия

В. З. Кеcховели

тийной переписке бакинская искровская группа получила конспиративное название «Лошади». Из Баку «Искра» расходилась во все концы России.

План бакинской транспортной группы одобрил В. И. Ленин. Н. К. Крупская писала: «Путем Вашим мы дорожим и хлопотали о нем, ибо понимаем, что это наиболее безопасный путь».

Для типографии предстояло подыскать подходящее помещение, достать печатный станок, шрифты, бумагу и краску.

Активное участие в устройстве тайной типографии принимали Л. Б. Красин и А. С. Енукидзе. Руководил всей этой работой Ладо Кеcховели.

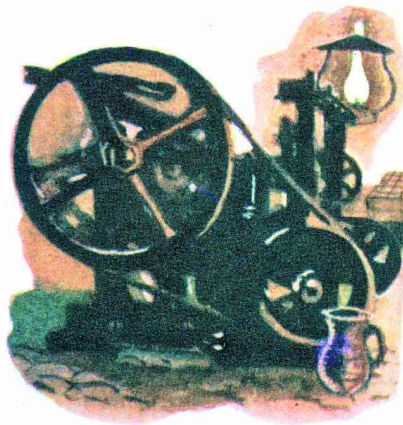
Наборщики помогли подобрать шрифты на азербайджанском, русском, грузинском и армянском языках, чтобы каждый рабочий мог прочесть революционное слово на родном языке.

... Работавшие в типографии «Нина» рабочие днем никуда не выходили, адреса своего никому не говорили.

Постоянная слежка, аресты революционеров - подпольщиков в апреле 1902 года поставили типографию под угрозу. Ладо Кеcховели, отец «Нины», ни в Киеве, ни в Самаре, куда хотели перевезти типографию, ничего подходящего не нашел. «Нину» оставили в Баку, и она работала с сентября 1902 по 1906 год, переезжая с места на место! Полиция так и не смогла обнаружить подпольную «Нину».

ТАМ, ГДЕ ПЕЧАТАЛАСЬ „ИСКРА“

... Во дворе дома № 102 на Искровской улице, где когда-то работала «Нина», прохладно, тенисто и тихо. Не закрывая блокнотов и тетрадей, ребята разместились на узеньких лавочках вдоль стены. Здесь, во дворе, и состоялся обмен впечатлениями. Далеко не всё на этой последней страничке отчета о путешествии найдет себе место. Но даже эти короткие рассказы позволят всем читателям «Костра» мысленно побывать в знаменитом бакинском музее и представить себе, что за люди выпускали газету «Искра».

Та самая печатная машина, которая работала в типографии «Нина»

ИГОРЬ КУЛЕШОВ:

В Баку партийную литературу из-за границы везли на лошадях. Мы в музее увидели длинные-предлинные вязанные мешки для фруктов. Мешки перекидывали через спину лошади, и они свисали к земле. Транспортная группа поэтому и получила название «Лошади».

В письмах Ленина и Крупской так и пишется: «Лошади» отозвались» или — «Родственникам Нины писали много, все письма, очевидно, пропадают...»

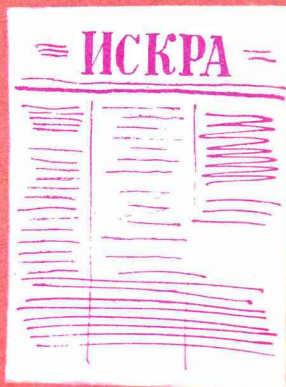
Тюки с «Искрой» и искровской литературой нужны были как воздух. В бакинской типографии «Искра» перепечатывалась и потом шла во все концы страны.

НИНА ВАСИЛЬЕВА:

Когда мы разузнавали о транспортной группе «Лошади», мы поняли, что есть еще неизвестные герои революции. Одни предоставляли подпольщикам квартиру, как Екатерина Твалеашвили, хозяйка дома на Параллельной улице, где оборудовали типографию, другие давали средства и приют самим революционерам-подпольщикам. Здесь мы поняли, что наш поиск будет продолжен: все герои революции должны стать известны своим счастливым потомкам...

НАТАША СОБОЛЕВА:

На меня произвело большое впечатление то, как подпольщики избегали смертельной опас-

М. Е. Гальперин

И. Ф. Стурúa

ности. Их работа приносила большую пользу: рабочие читали газету и узнавали о ходе революционной борьбы во всей стране...

ИГОРЬ ДАШКЕВИЧ:

Проникнуть в типографию можно было только потянув за веревочку, привязанную к шляпке гвоздя. Тогда открывался люк в шкафу, где был устроен вход в типографию. И все-таки никакая конспирация не могла вполне избавить от опасности. Малейшая неосторожность грозила провалом. Даже ночью следовало опасаться полиции. На такое напряжение были способны люди, стремившиеся не к личному счастью, а к общему благу и свободе...

По картине художника Тарновского, висящей в зале музея, я представил себе, как трудно было дожидаться каждой новой матрицы из-за грабни...

ТАНЯ КАЛЯДА:

Типография страдала от тесноты помещения. Революционеры работали без перерыва по 11—12 часов в сутки, слепли при свете керосиновой лампы. Меня восхитило мужество этих людей. Подпольщики шли на большие лишения ради своего народа...

ИРА ХРАМОВНИЧЕВА:

Даже не верится, что побывала в доме, где когда-то печаталась «Искра», где жили и работали такие прекрасные люди — Ладó Ке́цховели, А. Енукидзе.

АНЯ АЛЕКСЕЕВА:

Меня поразила воля этих людей. Даже те, кто доставлял краски и шрифт, рисковали жизнью... Трижды «Нина» меняла адрес, но несмотря ни на что полиция не могла справиться с ней. С интересом увидела я подлинные вещи того времени и самое интересное — печатный станок.

ТАНЯ БАРБОТИНА:

Типография «Нина» — пожалуй, самый главный пункт нашего путешествия. Все, что мы узнали об «Искре», о подготовке Второго съезда РСДРП, зарождалось здесь, в Закавказье. Эти мужественные люди шли и на хитрости, и на обман не ради чего-то неважного, а ради народного дела, ради революции, важной которой ни для кого из них ничего не было...

О ЧЕМ НЕ УСПЕЛИ НАПИСАТЬ ПОДРОБНО

Обо всех, с кем встретились и подружились.
Обо всем, что видели.

О том, что открыли для себя в самих себе и своих товарищах. (Оказывается, такие открытия совершенно необходимы в жизни).

О Волге, с которой никак не хотелось расставаться.

О Каспийском море.

О таких же, как сами, ребятах, которые теперь с гордостью называют себя юными «искровцами».

О письмах из дома...

О возвращении в Ленинград.

Сколько бы времени ни прошло, ребята будут помнить волжский простор, голоса друзей, свою походную дружбу.

Последняя запись в Дневнике:

Я буду долго помнить это лето,
Дожди и ветры, волны и туман,
И эти дни, романтикой согретые...

До свиданья, Волга! Здравствуйте, берега Невы!

Путешествие не закончено. Предстоят новые поездки. В январе 1971 года в Ленинграде состоится II конференция юных «искровцев», посвященная 70-летию ленинской газеты «Искра».

Разобрались в ребячьих записях и подготовили их к печати Л. Пожидаева, С. Рубанов

Книжная

полка

Володи

Ульянова

В тот декабрьский вечер я бродил по мягко освещенным комнатам совершенно один. Будто пришел в гости немного раньше назначенного срока, а хозяев еще нет.

У меня было время посмотреть и подумать.

Все было знакомо. Я видел прежде эти комнаты на книжных иллюстрациях, на полотнах живописцев, на плакатах, на киноэкране, на открытках, на марках, но все изображения, оказывается, не передавали главного в облике дома — удивительного, редкого сочетания: строгая скромность обстановки и, в то же время, покой и удобство.

Комнаты одна за другой неторопливо рассказывали о людях совсем простых, не тщеславных, аккуратных и чистоплотных, постоянных в своих привычках, заботливых друг к другу. О людях, которые привыкли обдумывать все до мелочей. О тех, для кого главное в жизни — труд (в доме нет ни одной комнаты без рабочего сто-

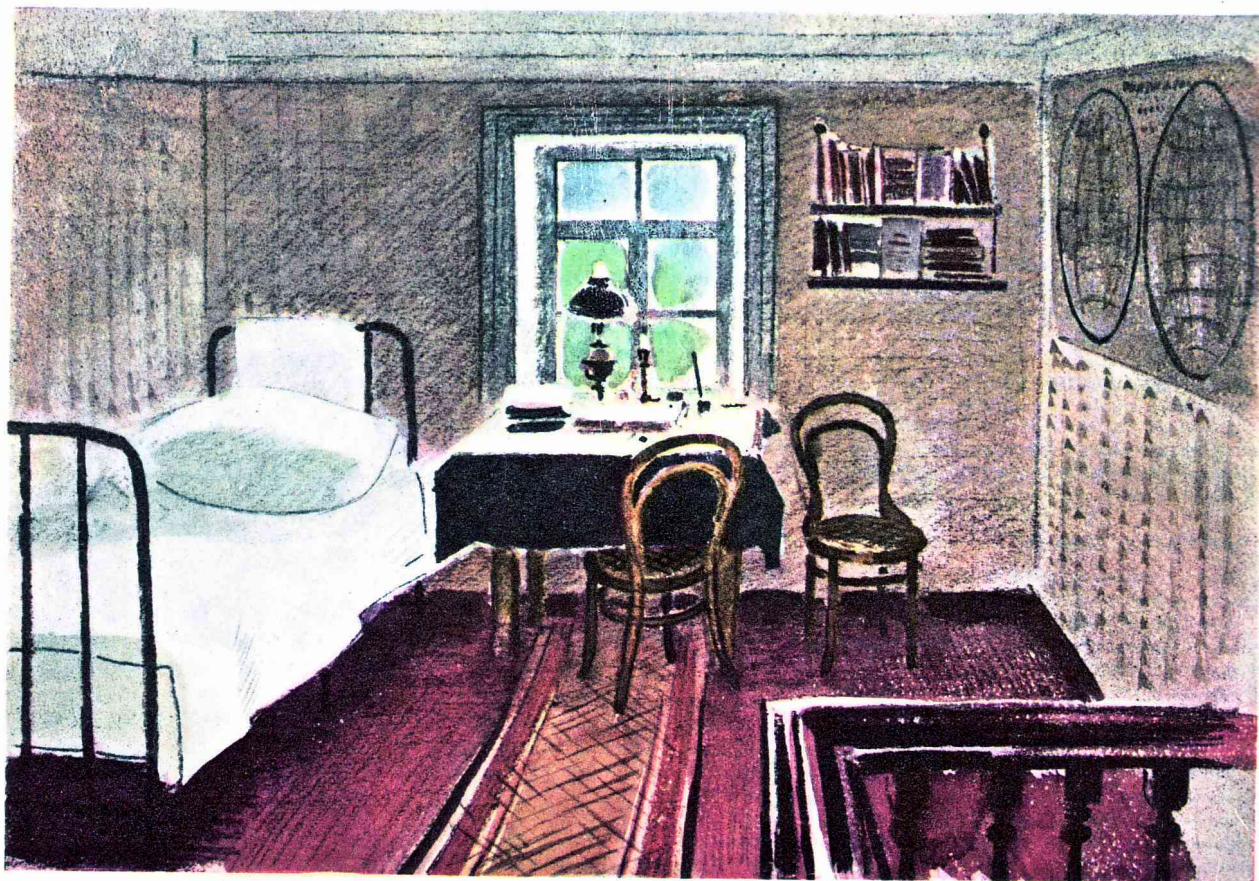
ла или столика, даже в столовой у окна — швейная машинка).

Это был дом интеллигентных людей.

* * *

Ульяновы не были богаты. Многолетний и упорный труд принес Илье Николаевичу заслуженную должность директора народных училищ и связанный с должностью чин действительного статского советника, весьма высокий чин в царской России, по табелю о рангах соответствовавший генеральскому чину. Тем не менее соответствующее чину жалование Илье Николаевичу так и не стали выплачивать. Впрочем, Ульяновы могли себе позволить обзавестись модной мебелью и прочим, могли устроить себе дом «на петербургский манер». Но ко всему внешнему, показному семья Ульяновых была совершенно равнодушна.

Обстановка знаменитого дома настолько проста и целесообразна, что

КОМНАТА ВОЛОДИ УЛЬЯНОВА

Рисунок В. Ветрогонского

в ней и не ощущается особой старины. Простые удобные вещи выглядят вполне современно. Но вот что делает дом Ульяновых уже совсем живым, одушевленным: книги.

* * *

Кабинет Ильи Николаевича. Педагогические сочинения и журналы (литература по его специальности) и тщательно собираемые год за годом литературные и общественно-политические журналы: «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Русская мысль». Те, где печатались Лев Толстой, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Успенский, Слепцов...

Комната Марии Александровны. Шиллер, Гёте, Гюго. Немецкие, французские книги. Знание классической литературы в подлиннике считалось в этой семье естественным.

На полке и на письменном столе в комнате Александра — Чарльз Дарвин «Происхождение человека», Дмитрий Менделеев «Основы химии», Карл Маркс «Капитал»... Словно бы книги для работы подобраны серьезным и разносторонним ученым. А подбирали их юноша, гимназист-старшеклассник.

Белинский, Писарев, Герцен, два тома Гейне на немецком — все революционные писатели. Это в комнате Анны.

В детской — стихи Кольцова, Некрасова, составленный Н. В. Гербелем сборник «Русские поэты» (одна из любимейших книг детей Ульяновых, из нее стихи выучивались наизусть на всю жизнь; сначала ее брали почитать в Карамзинской библиотеке, потом Оля получила эту книгу в награду за успешное учение)...

Комната Володи — собственно говоря, по нашим понятиям даже и не комната, а площадка внутренней лестницы, полуотгороженная кафельной печью. Койка, столик, книжная полка.

Самодельная книжная полка гимназиста. На ней нет никаких редкостей. Учебники и — классики: Пушкин, Гоголь, Некрасов, Грибоедов, Салтыков-Щедрин, Белинский, Тургенев, Лермонтов, Островский, «Спартак» Джованьоли, «Что делать?» Чернышевского.

* * *

Мальчик рос в Симбирске.

Симбирск — главный город срединной русской губернии. Огромной губернии. Где мужики выращивали богатейшие урожаи и пухли от голода, а помещики славились по всей империи кутежами и расточительством. Где на десятки верст был один царь и бог — полуграмотный и пьяный становой пристав. Где «инородцев» — мордвин, чувашей — притесняли до

такой степени, что самой распространенной формой протеста стало у них самоубийство.

Он учился в симбирской гимназии по «высочайше утвержденным» программам и учебникам. Учебники на все лады старались привить ученикам верноподданническую любовь к властям и отбить охоту к свободному самостоятельному мышлению и действию.

Он рос в России «православия, самодержавия, народности».

Цари сменяли один другого: солдафон Николай уступал место лицемеру Александру, тот — следующему Александру — опять солдафону. Приходили новые правительства, новые сановники с новыми веяниями, но все веяния в конце концов сводились к тому, как по-новому душить, давить, притеснять и грабить.

Русская литература боролась против этой темной силы за свободу, добро, знание. Писателей отправляли на виселицу, на каторгу, к позорному столбу, в ссылку, лишали права жить на родной земле. Но они никогда не складывали оружия.

* * *

Книги русских классиков были лучшими воспитателями Ленина.

Эти книги и сейчас можно встретить в каждой культурной семье. Но вот что не менее важно для нас: чего нет на книжной полке Володи?

Наряду с Великой Русской Литературой была и другая — маленькая русская литература. Она-то была всячески поощряема, высочайше утверждаема и повсеместнейше распространяема. Для детей и подростков, для народных школ и военных училищ, для женских гимназий и институтов благородных девиц цензурные комитеты разрешали и утверждали множество книжек. Часто это были книжки с увлекательным сюжетом: многие зачитывались тогда невероятными приключениями индейцев, как позднее — книжками про сыщиков.

Таких книг на Володиной полке нет.

В семье Ульяновых умели выбирать книги, определять круг чтения.

* * *

Надежда Константиновна Крупская пишет: «Ильич читал все детские журналы, которые присылали отцу...»

Надо сказать, что в те далекие годы в России детских журналов издавалось больше, чем сейчас. По числу названий, конечно, — потому что тиражи были, по нашим понятиям, крошечные, все вместе не могли бы тягаться с тиражом «Костра» и «Пионера». Издание журнала для большинства изда-

телей было просто выгодным предприятием. Они наполняли журналы слащавыми, слезливыми историками — «для девочек», глупыми выдуманными приключениями — «для мальчиков».

Выбрать журналы для подписки было нелегким делом.

Среди журналов в библиотеке Ульяновых привлёк мое внимание петербургский «Родник»¹.

Его издавала в качестве детского отдела взрослого журнала «Воспитание и обучение» семья прогрессивных деятелей народного образования Альмединговых. Программа издания не могла не привлечь Илью Николаевича Ульянова: «Чтобы сообщать детям одну только правду, все статьи сколько-нибудь научного содержания будут просматриваться специалистами по каждой отрасли знания...»

«Родник» был хороший журнал. Вероятно, здесь (в 1883 году) тринадцатилетний Володя Ульянов впервые прочел «Похождения американского мальчика Тома Соуэра», сочинение Марка Туэна (теперь мы пишем: Марк Твен, «Том Сойер»). Здесь же печатались рассказы Гаршина, Мамина-Сибиряка, стихи Дрожжина, Лонского.

Но особенно хорошо велся в «Роднике» отдел научно-познавательных материалов: по истории, географии, естественным наукам.

Наверное, единственный из детских журналов того времени, «Родник» пытался правдиво рассказать детям об окружающей их русской жизни. Делать это приходилось осторожно, вскользь, так сказать, в придаточных предложениях.

Например, в те годы власти очень носились с так называемым «самоуправлением» — на самом же деле ни «сельский сход», ни «земство» ничего не решали, выбирались для проформы, заправляли ими помещики и сельские богачи.

И вот, описывая порядок «самоуправления», обязанности его участников, «Родник» добавляет: «Почти каждый домовитый крестьянин, у которого без того много разного дела, старается, чтобы его не выбрали на сельском сходе в какую-нибудь общественную должность». Тут уж всякому становилось ясно, что это за «самоуправление», от участия в котором бегут, как черт от ладана.

¹ Благодаря милому историческому совпадению «Родник» особенно близок нам, сотрудникам «Костра». Как-то автор этих строк, заглянув в старую петербургскую адресную книгу, обнаружил, что редакция «Родника» помещалась в том же самом доме № 37 по Таврической улице, где теперь редакция «Костра».

Все ценное, что доводилось читать Владимиру Ильичу, он запоминал крепко, на всю жизнь. Вспоминал он и писателей, журналистов, с которыми познакомил его в детстве «Родник».

В «Роднике» помещал рассказы об ученых и научных открытиях Николай Александрович Рубакин, впослед-

ственной библиотекой и в рецензии на труд Рубакина «Среди книг» написал: «Ни одной солидной библиотеке без сочинения г-на Рубакина нельзя будет обойтись», — а для следующего издания той же книги написал статью «О большевизме».

Старая большевичка Фофанова вспоминает, как в трудные летние

и перечитывал, «восторженно связывая с воспоминаниями детства».

Богданов постоянно сотрудничал в «Роднике». В «Роднике» он опубликовал впервые свою знаменитую книгу «Мирские захребетники», которую Владимир Ильич рекомендовал переиздать после революции.

Владимир Ильич тепло говорил о писателе: «Богданов мой земляк. Я учился в той же гимназии в Симбирске, но я и родился в Симбирске и тоже, как Богданов, поступил в Казанский университет, только не кончил его».

* * *

Всю жизнь книги были спутниками Владимира Ильича Ленина: всегда на его книжной полке стояли Маркс, Энгельс, Плеханов, научные труды, романы, стихи. А в жизни Ленина было немало крутых поворотов.

Та, первая, ульяновская библиотека рассеялась после переезда семьи в Самару.

Нынешняя библиотека в доме-музее подобрана по личным советам и указаниям Марии Ильиничны и Дмитрия Ильича Ульяновых.

Ссылка в Шушенское. В далекую Сибирь идут тяжелые посылки с книгами. Письма к родным приходят в пухлых конвертах: в каждом — список книг, которые Владимир Ильич просит ему прислать. Из каждого гонорара, получаемого ссылкой Ульяновым за статьи и переводы, солидная сумма выделяется на покупку книг.

Годы первой и второй эмиграции. Где бы ни был Владимир Ильич, всюду он обрастает книгами, становится завсегдатаем лучших местных библиотек. Книги нужны ему, как воздух.

Кабинет Ленина в Кремле. Прекрасная, тщательно подобранная библиотека стала предметом неустанных забот Ленина сразу же по переезде в Кремль. Сейчас изучение книг Ленинской библиотеки в Кремле позволяет понять рождение и направление замыслов основателя нашего государства.

А начало свое эта главная библиотека Ленина берет от той скромной полочки, на которой расставил свои книги симбирский гимназист, Володя Ульянов.

А. Лосев

В. И. ЛЕНИН

художник И. Серебряный

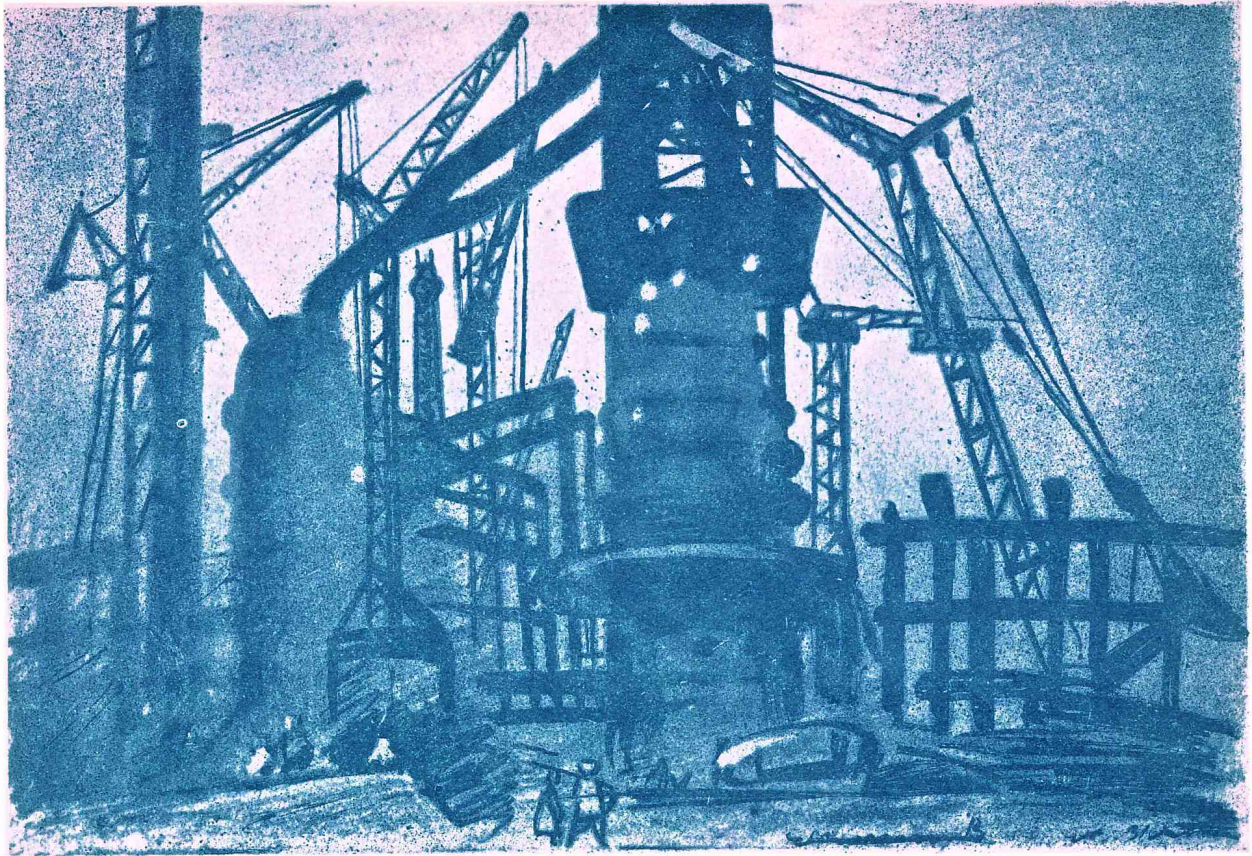
ствии один из крупнейших в мире библиографов — знатоков книги.

В девятисотые годы в Швейцарии Владимир Ильич познакомился с Рубакиным, пользовался его замеча-

дни 1917 года, находясь у нее на конспиративной квартире, Ленин в минуты отдыха с увлечением читал книги о природе писателя-натуралиста Модеста Николаевича Богданова. Читал

В. Ветрогонский «СТРОИТСЯ ЧЕТВЕРТАЯ ДОМНА» — автолитография и «УТРО В ЦЕХЕ» — линогравюра
С юбилейной выставки «ЛЕНИНУ ПОСВЯЩАЕТСЯ»

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ

повесть

Владимир Арро

Рисунки Т. Капустиной

У Саньки с Ванькой дома

У Саньки с Ванькой дома была только их сестра Зойка. Она грызла семечки и баловалась с котенком.

Я сказал:

— Зойка, а ну выдавай мужикам трусы!

Зойка плюнулась шелухой и сказала:

— А ты кто такой, чтобы указания давать?

— Я?.. Да я... Я, Зоя, капитан сборной команды.

Зойка подумала и сказала:

— А мне больно наплевать.

Я говорю:

— Да ты погоди, Зойка, не злись. Вот скажи, тебе дорога честь деревни Равенка?

— Ну и что?

— А то, что без Саньки с Ванькой мы никак не можем играть. Ведь они же лучшие полузащитники!

Тут и Санька молвил слово:

— У нас, Зойка, понимаешь ли, сегодня матч...

— Не матч, а матч, — шепнул ему Ванька.

— Ну, матч... Вот нам и надо полузащитать...

Зойка засмеялась.

— Говорить-то правильно не умеете, полузащитники. Горе мне с вами. Ванька, утрись! Надо говорить — матч.

Ванька шмыгнул носом и утерся. Утерся на всякий случай и Санька.

— Вот мы, Зойка, тебя и приглашаем, — сказал я. — Зови всех девчонок и приходите за нас болеть. Ты бы поискала, Зоя...

— Напасешься на них! — фыркнула Зойка, но все же вынула откуда-то ключи и открыла шкаф. Из кучи белья она достала две пары трусов, и Санька с Ванькой пошли в клеть переодеваться.

Мы вышли на дорогу

Мы вышли на дорогу в тот момент, когда возле нашего поворота остановился автобус. Он как раз в это время из Красной Горы в Кильково идет. У нас остановка называется «по требованию». Если потребуешь, автобус и остановится, а не потребуешь, то и нет. Но он остановился, значит, кто-то потребовал.

Нас было шесть человек, все мальчишки деревни, даже Куварин. В сборную я назначил себя, Колю Семихина и Саньку с Ванькой, а остальных запасными. Пока шли, Федяра все ныл: возьми да возьми его в основные. А ведь он правил не знает, как же мне его взять?

Я говорю:

— Федяра, ты ведь правил не знаешь!

— Знаю, — говорит, — знаю!

— А вот что такое офсайд?

Федяра думает, что офсайд — это когда мяч в овес закатится.

У нас возле футбольного поля овес растет. Только туда мяч кто-нибудь запустит, Федяра кричит: «Овсайт, овсайт!»

— Я знаю, — говорит Федяра, — только выразить не могу.

Я говорю:

— Ну вот, когда выразишь, тогда и возьму, а пока, Федяра, тебе в основные рановато.

Но возле автобусной остановки положение резко изменилось. Из автобуса вышла тетя Валья Семихина, мать Кольки. Она нас увидела и говорит:

— Коля, поди-ка сюда, чего скажу...

Продолжение. См. «Костер» № 3, 1970 г.

Колька думал, что она из города чего-нибудь ему привезла и так скоренько к ней подходит. А она сумку поставила и — хватя его за ухо!

— Ты на кого Вовку бросил, а? А ну-ка марш домой!

А Вовку мы оставили бабке Тарарихе, она все равно всегда сидит у своего двора.

И вот Коля пошел обратно.

В автобусе все смеются, и Федяра с Кувариным вдруг: га-га-га! Ну, Куварин, понятно, он одиночка, а Федяра чего? Он же Кольке друг.

— Нет, — говорю, — Федяра, мы хоть и потеряли одного из лучших нападающих, но тебя все-таки не возьму в основные.

Набились мы все в автобус, чтобы, значит, через мост переехать и по берегу до Кильково — чтобы ноги зря не ломать.

Шофер дядя Коля дверцу закрыл и спрашивает:

— Куда это рavenские собрались?

Я улыбаюсь ему и отвечаю:

— В гости к вам, дядя Коля, в Кильково.

Дядя Коля говорит:

— Ну, тогда плати.

— Мы, дядя Коля, значит, это... городские пионеры к нам едут, дядя Коля...

Я подталкиваю ребят, мол, помогайте, не могу же я один, в таких случаях нужно всем скопом нажимать.

— Мы, может, так проедем, дядя Коля, — загудели наши, — мы вот и садиться не будем, постоим тут у двери...

Я говорю:

— Мы, дядя Коля, с городскими сегодня встречаемся, у нас тут сборная...

— Ну да, — говорит дядя Коля. — Это конечно...

Вдруг он на обочину свернул, дверь открыл и говорит:

— А ну-ка, сборная-крохоборная, вылезай!

Глянул я вниз, а подо мной канава, и в ней крапива выше нашего роста, ба-атюшки, думаю, как же тут быть!..

В автобусе все смеются, а дядя Коля подгоняет:

— А ну, поживей тут у меня, поживей, чтобы мигом!.. Все как один!

Прыгнул я в крапиву, а за мной и все наши повывалялись. Стоим посреди канавы, руки-ноги поджимаем, шипим от боли, а она во как жжет! А дядя Коля еще и не отъезжает, смеется.

— Ну, как, будете в другой раз платить?

— Откатывай! — кричу. — Кильковские зажималы! Своих небось бесплатно возите, кильки вы и есть! И все пацаны у вас кильки, и девки кильки!..

В автобусе все хохочут, носы давят об стекло. Наконец, он отъехал, и мы выбрались на дорогу...

Федяра больше всех ноет:

— Ой, обстрекался!.. Ой, как обстрекался!

Я говорю:

— Не визжи, Федяра! Плюнь да слюнями разотри!

А Федяра все равно ноет:

— Ой, больно!.. Где же я слюней столько возьму!

Вот стоим мы посреди дороги и плюемся. А ноги у всех паленые, красные, да и руки горят. Я говорю:

— Еще землей хорошо потереть.

Санька с Ванькой самые терпеливые оказались: сели на дорогу и молча ноги себе посыпают землей.

Федяра говорит:

— Кольке-то Семихину как повезло!

— Нет, — говорю, — Федяра, я тебя в основные не возьму, ты второй раз слабину проявляешь.

Минут пять только сильно болело, а потом отлегло.

Возле клуба

Возле клуба, когда мы пришли, еще никого не было. Мы пока зашли в магазин.

Продавщица говорит:

— Ну что, равенские, бутылки принесли сдавать?

Я говорю:

— Нет. Дайте мне конфет на пятнадцать копеек.

Это мне бабушка в воскресенье три пятака дала.

Отвесила нам продавщица сто грамм круг-

ляшей, «Театральные» называются. Я тут же в магазине всем роздал: основным игрокам по две, запасным по одной.

Сели мы на крыльце магазина, сосем конфеты, смотрим, что у кильковских делается. А у них чайную строят для трактористов, два плотника стропила оседлали, молотками колотят. Стоит у сельсовета автобус с открытой дверцей, четырех часов дожидается. Дяди Коли нет поблизости, видно, в сельсовет зашел.

Федяра говорит:

— Ну, погоди, мы ему еще что-нибудь придумаем.

Я сам лично человек не злопамятный, но тут уж и я говорю:

— Давай.

Только что-то мне подозрительным показалось безлюдье такое.

Я говорю:

— Не попались бы мы в ловушку, а, Федяра?

Но тут из клуба вышла Евдокия Петровна, кильковская учительница, а с нею Шурка, Тришка и еще несколько ребят.

— Ну вот, — говорит Евдокия Петровна, — молодцы, что пришли пораньше, мы тут клуб подметали, а еще не все подготовили. Вот кто, например, сможет прочесть?

И разворачивает она листок из тетрадки.

Тришка говорит:

— Пусть Шурка. У него по чтению пять.

— Ты только, Шура, сначала ознакомься, — говорит Евдокия Петровна. — А когда читать будешь, то остановки делай и глаза от бумаги все же отрывай.

— А это какая цифра? — спрашивает Шурка.

— Две тыщи пятьсот.

Тут на велосипедах быковские подъезжают, Иван да Тимофей. Следом за ними березники, все как один горохом увитые.

Мы к ним:

— Дайте горошку! Дайте горошку!

Разодрали подчистую все их венки.

А потом как стали кильковские с двух своих улиц стекаться, да наши девчонки подошли, да бреховские подъехали. Будто первое сентября наступило. Галдеж стоит возле клуба, велосипеды по площади круги делают, мячики над головами летают — ой-ой!..

Мы пока тренировку устроили с кильковскими — в одни ворота.

Евдокия Петровна на крыльце девчонками дирижирует, а они кричат:

— Здрав-ствуй-те!.. Здрав-ствуй-те!..

Репетируют, значит, как гостей встречать.

Только недолго все это продолжалось. Кто-то вдруг закричал:

— Идут! Идут!

Заиграл в конце улицы барабан

Заиграл в конце улицы барабан, и показались городские пионеры, их человек тридцать было, все с рюкзаками и в галстуках. Я как увидел впереди лопоухого, так у меня меж ребер защекотало, я говорю Федяре:

— Федяра, никак они...

А Федяра отвечает:

— Они, это точно.

Санька говорит:

— А вон черненький, который меня за руку держал. Я и Полину Марковну узнал, и девчонку с челкой, и Куканова.

Городские напротив нас остановились, Полина Марковна и говорит:

— Саша, давай...

Тут же на середину вышел черненький мальчишка, сунул руки в карманы и закричал девчоночьим голосом:

— От пионеров красногорского лагеря наш пионерский...

И все городские крикнули:

— Привет!

Тут все захлопали. А вокруг пионерского строя народу-то собралось: и мамыши с грудными детьми, и кильковские старушки, и председатель колхоза, а среди всех моя бабушка. Даже продавщица вышла из магазина на свое крыльцо.

Когда черненький свое приветствие выкрикнул, Полина Марковна подошла к нему и что-то сказала, и он сразу руки из карманов вынул.

Евдокия Петровна после этого вся вздрогнула и сказала:

— Три-четыре!

И наши все разом крикнули:

— Здрав-ствуй-те!

И снова все захлопали. Надька Шарова побежала вперед и подала Полине Марковне букет цветов.

А черненький все с середины не уходит. Полина Марковна тихонько ему шепчет:

— Саша, давай...

Тогда он сунул руки в карманы и сказал:

— Мы к вам приехали сюда,
Чтоб с вами подружиться.
Давайте вместе навсегда
Плясать, петь и кружиться.

Я к Евдокии Петровне обернулся и спрашиваю:

— А в футбол разве не будем?

Городские это услышали и засмеялись. Евдокия Петровна каким-то игрушечным голосом говорит:

— Антон, ты послушай, не перебивай...

— Вот я, — сказал черненький, — я лагерьный поэт. А среди вас поэтов нет?

Мы стали смотреть среди наших Верку Онуфриеву, она частушки хорошо сочиняет, но из пионерского строя вышла длинная рыжая девчонка. Она отвернулась и сказала:

— А я спою вам песни, чтоб было интересней.

И городские стали выходить один за другим.

— Я по секрету вам скажу,

Я шить умею и вяжу.

— А я пустил ракету

Гулять по белу свету.

Вдруг Шурка оборачивается и говорит:

— Евдокия Петровна, я листочек-то ваш потерял.

А сам бледный-бледный.

— Как-так? — спрашивает Евдокия Петровна.

— А вот, наверно, когда в футбол мотались...

— А что же мы теперь делать-то будем?

Мы все от городских отвернулись и на них обоих смотрим. Лицо у Евдокии Петровны стало такое, что даже стало жаль ее.

— Ну, не знаю, Шура... — говорит она. — Поищи хорошенько...

— Да я поискал...

— Может, ты запомнил?..

— Одну цифру-то я запомнил, — говорит Шурка. — Две тыщи пятьсот.

— Ну, скажи своими словами. Скажи, Шура, как отдыхаем, как работаем... Не хуже, мол, чем другие. Веников навязали пятьсот двадцать, цыплят на ферме вырастили две тыщи пятьсот...

Я говорю:

— Запомнить-то легко, в одной цифре пятерочка потом двоечка, а в другой цифре наоборот!

А городские все стихами кроют:

— У Жучки заболел щенок,

Я вылечить его помогу.

— А я, чего тут говорить,

Умею жарить и варить.

Черненький сунул руки в карманы и сказал:

— Вот мы закончили рассказ,
Теперь хотим послушать вас.

— Ловко! — крикнул председатель колхоза и первый захлопал своими ручищами. — А ну-ка, что, деревенские, скажете?

Мы тоже все захлопали и начали вытаскивать Шурку.

— Чего вы!.. — отбрыкивался он. — Не пойду я... Чего я там забыл...

— Ну, Шурик, — попросила Евдокия Петровна, — скажи своими словами... Он сейчас своими словами скажет...

Но Шурка весь покраснел, напыжился:

— Сказал, не пойду!.. Чего я там забыл...

Хлопать в это время на площади кончили. Городские смотрели на нас и ждали. А председатель колхоза просто глазами нас ел. И в это время мне в голову пришла одна мысль.

Я повернулся к Евдокии Петровне и говорю:

— А вот можно я скажу?

Все наши тут обрадовались:

— Вот Антошка скажет, у него язык подвешен!..

Евдокия Петровна еле губами шевелит:

— Правильно, Антоша, скажи...

Я выбрался на середину

Я выбрался на середину, и сзади меня так затихли все, что можно было подумать, что никого и нет. Я оглянулся на всякий случай, в кулак кашлянул и слышу, кто-то мне шепчет:

— Ну, Антошка, ну!..

Уставился я на девчонку с челкой и говорю:

— Вот, мне даже очень приятно, что вы к нам приехали сюда и всякое такое хозяйство...

Только чувствую, дальше слово никакое не идет, ну, не идет слово!..

Смотрю, председатель колхоза щурится, за папиросами лезет, ждет. И женщины с детьми вперед пионерского строя повылазили, тоже, значит, ждут. И старушки кильковские ждут, а среди них моя бабушка. Оглянулся я на своих, а те стоят притихшие, рты пооткрывали.

Ну, думаю, нет мне обратного ходу, надо что-нибудь говорить.

И тут повернулся этак боком, смотрю, а за рекой деревня моя любезная, Равенка, прилегла на горке, аккуратная вся, подобранная, ни одного колышка лишнего не торчит.

Стало мне жарко вдруг, что-то внутри у меня колотнуло, я вперед шагнул и говорю:

— Мы хоть и кидались вчера вениками, а все равно очень рады, что вы к нам приехали сюда. Только это не совсем к нам получается, потому что деревня-то наша — Равенка, во-он она на горке стоит, а эта деревня Кильково, он кильковский, Шурка-то, который отказался говорить. Как же она, наша Равенка, у вас в картах не обозначена, вот я чего не понимаю, ее обязательно обозначить надо, потому что другой такой деревни нет во всем белом свете, хоть Россию, хоть и Америку возьми! В Кильково, конечно, тоже есть свои преимущества, у них клуб вот, и магазин, и автобусная остановка, но с Равенкой Кильково не сравнится, поскольку у них даже рыба не так хорошо берет и комаров больше, а в Равенке у нас ветерок.

Тут такое кругом поднялось! Кильковские сзади меня загудели, и березницкие, и бреховские, а впереди городские смеются.

Я говорю:

— Вы не смейтесь, не смейтесь, у нас тут с кильковскими из-за этого такая распря выходит, завидуют они нам, иначе зачем бы кильковские трактористы дорогу нашу распахали, разве ж так можно, и куда это председатель глядит!.. Или, скажем, шофер дядя Коля, зачем нас сегодня в крапиву посадил, ведь это нехорошо, больно!..

Хотел я еще про Любу сказать, а также про пастуха дядю Лешу, да тут и так уж слишком много шуму поднялось.

— Ну, а за веники, — говорю, — вы нас, ко-

нечно, извините, мы за Шуркой Шаровым охотились, да обозначка вышла. Вот на этом я и заканчиваю, а сейчас вам Евдокия Петровна цифры скажет!..

Евдокия Петровна как крикнет:

— Да полно, Антоша, не буду я никакие цифры говорить!

А на площади — мать честная! — хохот стоит, пионеры до корчи смеются, председатель колхоза аж приседает, не поймешь — не то хохочет, не то кашляет.

Евдокия Петровна кричит:

— Заходите все в клуб!

После этого у нас все тут перемешалось

После этого у нас все тут перемешалось, пионерский строй рассыпался, все повалили в клуб.

Я кричу:

— Федяра, первый ряд занимай, Федяра!..

Но Федяру где-то там притиснули. Я сам чуть не первым в клуб ворвался. Зацепился в торопливости своей за лавку и вместе с лавкою на пол — грох! Но все же успел занять первый ряд для наших, для рavenских.

— Равенские! — кричу. — Санька, Ванька, сюда!

Но тут Куканов, который вчера за нами погнался, подбежал и плюхнулся на нашу лавку.

Я говорю:

— Ну, ты чего!

Он говорит:

— А ничего!

Я говорю:

— С нашего места, как с соленого теста!

Куканов сидит и за лавку держится.

— Выйдем!

А сзади девчонка с челкой сидит.

— Сережа, — говорит, — иди к нам.

Куканов перешагнул во второй ряд и говорит мне:

— Еще встретимся...

Я говорю:

— Встретимся...

— Потолкуем...

— Потолкуем...

— Ну и молчи!

— Ну и сам молчи!

А девчонка с челкой:

— Ну, чего это вы, мальчишки... А еще такую хорошую речь говорил.

Тут мальчишка черненький вышел на сцену, руки в карманы сунул и говорит:

— Начинаем наш концерт! Первым номером нашей программы...

Сзади ему шепчут:

— Руки, Ломтик, руки!..

Черненький вынул руки и продолжает:

— ...выступает пионер третьего отряда Саша Ломтев. Песня, которую он, то есть я, сочинил, называется «Вечерняя лагерная». Ее, правда, надо петь на мотив «Варяга», но я пою очень плохо, поэтому я ее вам прочитаю.

Наверх вы, товарищи,
все по местам.

Еще одна ночь наступает,
Врачу не сдается наш

гордый отряд
И дрыхнуть никто

не желает.

Все городские засмеялись, захлопали и оглянулись на Полину Марковну. А она сзади крикнула:

— Ты что это, Саша, ты что?..

— А я ту песню забыл, Полина Марковна!

— Пусть читает! — закричали все. — Пу-усть!..

И мы на первом ряду закричали:

— Читай, читай!

Тогда черненький сунул руки в карманы и сказал:

Гремит, и шумит, и грохочет кругом,
Подушки летят, как снаряды,
И стал наш бесстрашный и гордый отряд
Подобен кромешному аду.

— А птичку, — говорит, — видел?

Я говорю:

— Может, на травку выйдем?

Он говорит:

После каждого куплета мы так смеялись и хлопали, что черненький сам покатывался от хохота и даже не мог читать.

— Руки из карманов, Саша!.. — шептала ему девчонка с челкой, но он уже ничего не слышал.

Потом вышла долговязая рыжая девочка. Она отвернулась в сторону и запела:

Ви-ижу чу-удное приво-олье...

Ви-ижу ре-еки и леса-а...

Я посмотрел в ту сторону и говорю:

— Где? Где?

Сзади нас засмеялись, а Куканов сказал:

— Эй, ты, не мешай!..

В это время Сашка высунулся из-за кулис и стал делать мне какие-то знаки, как будто приглашал на выступление.

Я говорю:

— Выступать, что ли? Не...

Вдруг сзади меня встала девчонка с челкой, прыгнула на сцену и убежала за кулисы. Оказывается, это он ее звал.

— Выступает Лена Скворцова, — сказал черненький. — Акробатический этюд.

На сцену Лена Скворцова вышла в одном купальнике. Она стала наклоняться в разные стороны и делать всякие движения руками. Позади кто-то засмеялся и засвистел. Я тоже свистнул.

Куканов за моей спиной говорит мне:

— Ты, оратор, кончай!..

Я говорю:

— Я начал, а ты кончи.

Он говорит:

— Схватишь...

Но тут Лена Скворцова встала на стойку, и все в зале захлопали. Потом она сделала мостик и под конец шпагат. Все захлопали сильнее прежнего, а Куканов закричал:

— Би-ис!

А я:

— Головой вни-из!

Он говорит:

— Еще встретимся...

Я говорю:

— Встретимся...

— Потолкуем...

— Потолкуем...

— Ну и молчи!

— Ну и сам молчи!

В это время Сашка высунулся из-за кулис и снова стал делать мне какие-то знаки, как будто приглашал на выступление.

Я говорю:

— Выступать, что ли?.. Не...

Но со второго ряда встал Куканов и пошел

на сцену. Оказывается, во втором ряду сидели одни артисты.

— Следующим номером нашей программы, — сказал Сашка, — выступает фокусник Валя Куканов.

— Значит, так, — хмуро сказал Куканов. — Вот у меня в руках шарик от настольного тен-

ниса. Сейчас я его проглочу. Внимание!.. Я его глотаю — хоп! И шарика нет. Ловкость рук и никакого мошенства.

Все захлопали. Федяра говорит:

— Во обманывает! Давайте за ним следить! Давай-ка, думаю, посмотрим, посмотрим, как это никакого мошенства, и стал во все глаза смотреть, что делает Куканов. Но из-за кулис высунулся Сашка и опять помахал мне рукой. Я оглянулся. На втором ряду позади меня больше никого не было.

Я говорю:

— Ты что, меня?..

Он кивнул. Я говорю Федяре:

— Федяра, раз он так просит, я уж пойду, взгляну, что у них там за кулисами, а ты за фокусником поглядывай.

Вошел я за кулисы, а там Лена Скворцова стоит, рыжая певица и Сашка. Он говорит:

— Значит, так, тебя как звать?

Я говорю:

— Антоном. А что?

Он говорит:

— Мы тебя сразу наметили.

Я спрашиваю:
 — Выступать, что ли?
 — Да нет. Вот все сейчас пойдут колхоз смотреть, а мы давайте отколемся.
 Я спрашиваю:
 — А Куканов пойдет?
 — Куканов-то? Куканов куда хочешь пойдешь!
 Но мне не хотелось, чтобы с нами Куканов

пошел. В это время он как раз кончил показывать свои фокусы и подошел к нам.

В зале хлопали.

— Ну, пошли, — говорит Сашка, — тут у вас со сцены есть дверь на улицу, я уже посмотрел.

Куканов говорит:

— Ты пооди объяви, что концерт окончен!

А Сашка отвечает:

— Ничего, пусть пока посидят.

Зрители остались

Зрители остались, а мы вышли на улицу позади клуба. Куканов все подальше от меня держится, а я к нему и не очень стремлюсь. Я иду рядом с Леной Скворцовой.

— Понимаешь, чего наша концертная бригада больше всего хочет, — говорит Сашка. — Наша концертная бригада больше всего хочет чего-нибудь такого вашего пожевать! Например, кислой капусты!

— Да! Да! — говорит Лена. — Или соленых огурцов!

— Огурцов можно и свежих! Или еще вот этой... брюквы!

— И репы! И моркови! — кричит Сашка. — И капусты! И турнепса! Чтобы все время грызть, грызть, грызть!..

Я говорю:

— Не кормят вас, что ли?

— Кормить-то кормят, да все такое мягкое, сладкое, перетертое. А мы хотим, чтобы хрустело! Чтобы рот вязало! Вот мы тебя и наметили.

Вдруг за стенкой клуба хлопнули, затопали, засвистели.

Сашка говорит:

— Сидят покуда еще, надо бежать!

Я говорю:

— Ну, тогда айда в Равенку!

— Ой, как я хочу в Равенку! — захопала Лена Скворцова. — Я еще вчера, когда вы на нас напали, в Равенку захотела!

И мы быстро пошли по дороге.

Сашка говорит:

— Знаешь, Антон, я думаю, что я даже стих сочиню про то, как ты любишь свою деревню. Он будет начинаться так: вот моя деревня, вот мой дом родной. То есть, конечно, это твой дом и твоя деревня, но там вместо тебя я буду, это всегда в стихах такая ерунда.

Я говорю:

— Валяй!

Вдруг от клуба закричали:

— Вон они! Вон они!

— Кажется, нас усекли, — говорит Сашка. — Давайте бегом!

Мы побежали, но за нами погнались на велосипедах. Шурка с Тришкой подъехали и говорят:

— Куда это вы? А как же футбол? Евдокия Петровна уже футбол объявила! Это ты их, Антоша, сманиваешь?

— Ничего я не сманиваю!

— Нет уж, если вы к нам приехали сюда, то давайте проводить товарищескую встречу.

Сашка говорит:

— Так разве у нас не товарищеская? И вы товарищи, и они товарищи, и все мы товарищи.

Окончание следует

ОТВЕТЫ НА ГОЛОВОЛОМКИ

«Костер» № 1. Сколько человек греются в сторожке! 5 человек.

«Костер» № 3. Старинная задача про аптекаря. Одно из возможных решений:

1. Отмерить указанным в задаче способом 4 раза по 3 скрупулы касторового масла, слить в отдельную склянку $3 \times 4 = 12$ скрупул и отлить 7 скрупул в склянку: $12 - 7 = 5$.

2. Налить в склянку в 7 скрупул марганцовокислого калия, перелить в склянку в 10 скрупул. Снова налить склянку в 7 скрупул и долить из нее склянку в 10 скрупул до полна. Останется $7 - 3 = 4$ скрупулы. $4 \times 2 = 8$ скрупул.

3. Остается отмерить 3 скрупулы нашатырного спирта, отмерить 8 скрупул. $3 + 8 = 11$.

В апреле 1917 года с балкона дворца Кшесинской выступал Владимир Ильич Ленин. Единственный раз видел его тогда Альфред Рудольфович Эберлинг, в прошлом ученик Репина. Но с тех пор художник стал рисовать картины и плакаты, главными героями которых были Ленин и большевики.

В 1924 году фабрика Гознак объявила конкурс на лучший портрет вождя. Среди победителей — Эберлинг. Миллионным тиражом были тогда изданы по его рисунку открытки и репродукции. Эберлинг стал автором одного из самых известных изображений Ленина. А позже по портрету была сделана гравюра и ее печатали на почетных грамотах и похвальных листах.

Есть у Эберлинга картина «В подполье». Группа большевиков собралась в темной комнате. Видны лишь силуэты. Только лицо вожака, освещенное керосиновой лампой, — отчетливое, яркое, самое главное в картине.

ПОСВЯЩЕНО ЛЕНИНУ

И вожак этот — Ленин. Этой картине выпала трудная судьба. Она висела в мастерской на верхнем этаже, когда началась война с фашистами. В один из обстрелов картину ранило осколком снаряда. Потом залило водой из лопнувшей трубы.

Сейчас картина «В подполье» висит в Ленинградском филиале музея В. И. Ленина.

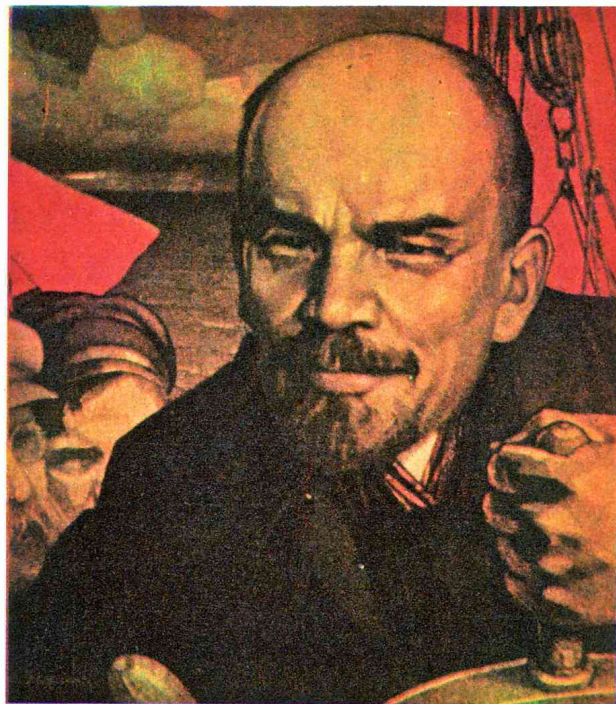
Из многих работ Эберлинга, посвященных Ленину, мы напечатали две.

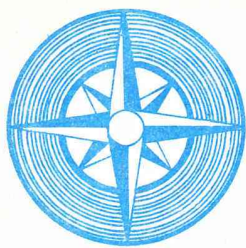
«Ленин в Петербурге. 1895 год». Владимир Ульянов в новой белой фуражке вышел из конки на Невском проспекте. Наверное, он идет в Публичную библиотеку, готовиться к экзаменам в Петербургский университет. Какой-то парнишка — из рабочих, должно быть, — загляделся на него посреди улицы.

Другая работа — плакат тридцатых годов. Очень часто тогда поэты и художники сравнивали нашу страну с кораблем, идущим по новому пути, а Ленина — с капитаном или рулевым.

Эберлинг так и назвал свой плакат — «Рулевой».

А. Хазова

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 14-й

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

ЧЕРЕЗ БАЛТИКУ

Железнодорожный паром «Королева Виктория» отошел от стенки германского порта Засниц и лег курсом на шведский город Треллеборг.

На палубе парома стоял железнодорожный состав. Колеса вагонов были крепко притянуты к рельсам цепными стопорами.

Над палубой дул ветер, белые капли тумана оседали на оконные стекла. Пассажиры, покинув вагоны, собрались в кают-компании.

Они волновались. Голубой с желтым крестом шведский флаг, который развевался на мачте парома, хотя и был флагом нейтральной страны, не сулил безопасности. Он

плохо виден на фоне сумеречного неба. Шла война. Английские подводные лодки то и дело прорывались в Балтийское море и топили немецкие суда.

А мины? Все море было густо уставлено ими. Минные поля пятали карты. Сорванные ветром с якорей, выставив из волн свинцовые рога, мины носились по морю. Стоит парому наткнуться ночью на такой рогатый шар, и тогда...

Капитан «Королевы Виктории» пристально всматривался в серую беспокойную воду. В рубку вошел радист и передал ему радиogramму. С бланком в руках капитан спустился в кают-компанию.

— Есть ли среди пассажиров господин Ульянов? — обратился он к группе русских,

сидевших в стороне от остальных пассажиров.

Русские переглянулись. В анкетах, которые они заполнили при отплытии, каждый написал вымышленную фамилию.

— В чем дело? — спросил пассажир невысокого роста, с внимательными острыми глазами.

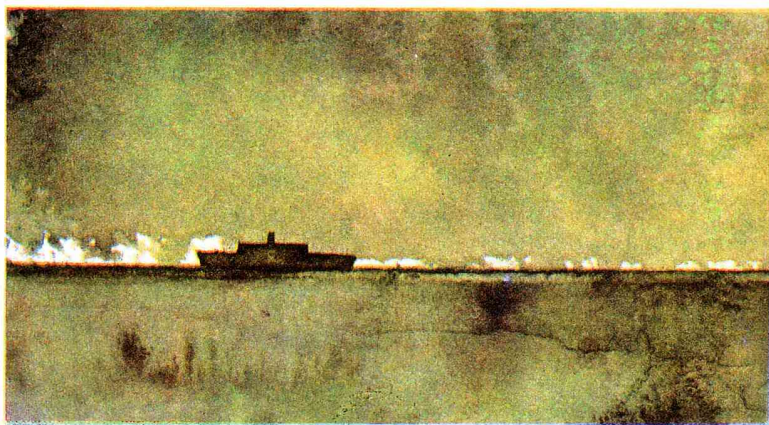
— Треллеборг запрашивает: есть ли на борту господин Ульянов, сколько с ним мужчин, женщин, детей? Телеграмму подписал Ганецкий.

Русские облегченно и радостно зашумели. Я. Ганецкий был известный социал-демократ, знакомый Ленина. На шведском берегу ждали друзья.

— Ульянов — это я! — сказал, немного подумав, человек, задавший капитану вопрос.

С Лениным возвращалась в Россию группа эмигрантов, в большинстве — революционеров. Теперь уже можно было не таиться. В стекле иллюминатора синей полоской возникал шведский берег.

Паром шел, подрагивая на мелкой крутой волне. Подходила к концу морская часть ленинского возвращения в Россию. 3 апреля 1917 года В. И. Ленин прибыл в Петроград.

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

Однажды капитан Быстроходов и боцман Румпель услышали такую историю.

Построили инженеры на берегу моря гидроакустическую станцию. Станция должна была записывать шумы надводных кораблей, идущих

мимо берега, и обнаруживать подводные лодки.

— Ну-с, посмотрим нашу первую запись,— сказали через несколько дней инженеры.

Они посмотрели и ахнули. Вот на что была похожа их лента, на которую записывали шумы приборы.

— Столько помех — ничего не разобрать! — сказали они.

— А сколько дней производилась запись? — спросил молодой инженер.

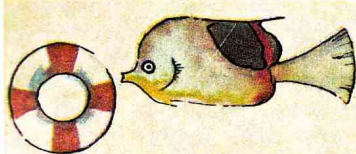
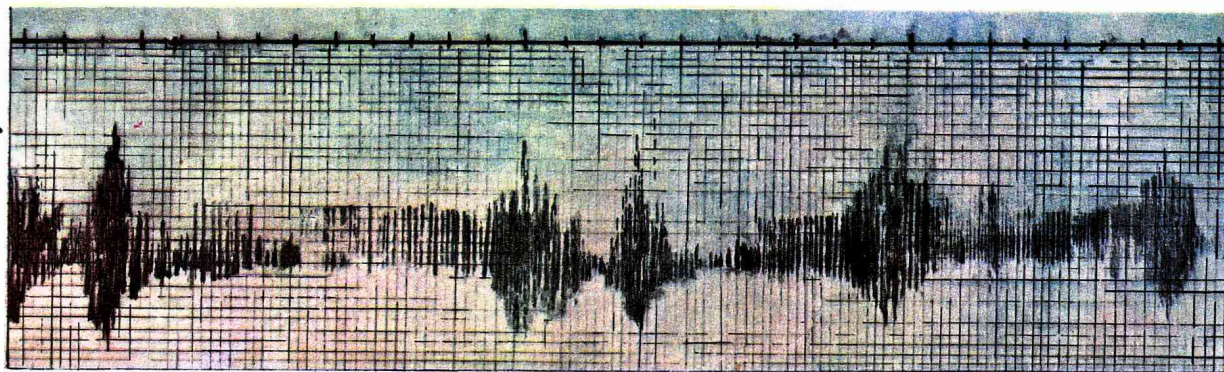
— Посчитайте! — ответили

ему товарищи и стали думать, как быть с помехами...

— Интересно, смогут ли ответить на этот вопрос наши читатели? — сказали друг другу Быстроходов и Румпель. — Сколько дней работала станция, судя по ленте, и что за шумы она записала вместо корабельных и лодочных?

Кто не сможет ответить сразу, пускай посмотрит октябрьский номер «Морской газеты» за прошлый год.

Ждем ваших писем!

Победители конкурса

В прошлом году для ребят, которые увлекаются морем, мы провели конкурс морских знатоков 1969 года: «МЗ-69».

Список победителей «Морская газета» обещала напечатать в апрельском номере. И хотя письма с ответами продолжают приходить, мы держим слово.

В конкурсе морских знатоков 1969 года победили:

Гриша Кузнецов (Ленинград), Витя Иванов (Ангарск), Нелли Ханеева (Калуга), Леня Плюхин (Свердловская область), Толя Баширов (Волгоград), Ира Смирнова (Ленинград), Толя Бейнар (Рига), Саша Томах (Можайск), Сережа Демидов (Бергамак) и мальчик из Кемерово Ушаков, который упорно не сообщал свое имя.

ГРОЗА В ГОРАХ

РАССКАЗ

Н. Сладков

Рисунок И. Харкевича

Гроза грохотала у самых ног. Сколько раз я видел это в горах, а все никак не привыкну, что и гром, и молнии не высоко над головой, как им положено, а глубоко внизу, под ногами...

Странно смотреть на тучи сверху.

Тучи черные, дымные залили ущелья до верху и сердито клубятся в них и ворочаются, тяжело накатываясь на склоны. И вдруг начинают мерцать изнутри, как мерцает густой городской туман от зеленых вспышек троллейбуса! Только мощно, грозно, таинственно и жутковато. Это в подножных тучах мечутся подножные

молнии. И сейчас же рождается гул. Гул и рокот заполняют ущелье, вздрагивает земля — словно водопады каменных глыб обрушиваются в темноту. Это грохочет подножный гром.

Где-то там, глубоко-глубоко внизу, сейчас хлещет дождь. Подножный дождь... А у нас над головой чистое синее небо!

Тучи набухли грозой. То вздуваясь, то опадая — словно дыша! — они упорно ползут по склонам вверх. Гигантский клубящийся осьминог вползает на склоны, вытягивая вперед по промоинам и лощинам змеящиеся жадные щупальца. И вот уже все вокруг начинает темнеть и тонет в сырой и промозглой тягучей мгле. Грозовая туча нахлынула на нас и утопила. Все стало седым от бисера капель. Я провожу ладонью по ворсу куртки и стряхиваю с нее целую пригоршню холодной росы. Роса на бровях и ресницах. Лицо стянула ледяная гусиная кожа. Мокрая щека ощущает плывущий туман, как будто бы по лицу тянется мокрая паутина.

Темно и сыро, словно в промозглом склепе. Впереди тяжелый сгусток расплывчатой темноты, он, как мохнатый медведь, вразвалку движется по тропе нам навстречу. Вот коснулся «медведь» взъерошенным боком угловатой черной скалы и белый взблеск яростного огня полоснул по глазам. Грохот вдавил перепонки в ушах. Кони с визгом вскинулись на дыбы, захрипели, замотали гривами, выкатывая белки глаз. Сладкий ужас защекотал в груди. Мы попадали с седел и, вцепившись в поводья, поволоклись, сдерживая обалдевших коней. Разбитая молнией скала развалилась на глыбы, и глыбы, прыгая и грохоча, обрушились вниз.

И вот снова тишина и темнота. Обалдело сидим мы на мокрых камнях, кони нервно топчутся и сопят. Мы в самой утробе грозы.

— Что это? — глухо говорит кто-то.

На остриях прислоненных к камням ледорубов светятся голубые огни! Какие-то неживые, нездешние — словно голубые лезвия стальных копий. Волосы у нас поднимаются дыбом — нет, не от страха! — а просто так, ни с того ни с сего. И вот от этого становится по-настоящему страшно.

Я пытаюсь пригладить их, но торчащие волосы стрекочут, словно кузнечики! Сейчас же вновь выпрямляются из-под ладони и по ним мечутся искры! И в пальцы покалывает, как иглой. И над головой возникает сияние. Я вытягиваю руку вверх, и пальцы начинают светиться, словно я держу в руке голубой факел.

Мы насквозь пропитаны молнией. Вот-вот взорвемся, осветив холодным светом мутный туман. И сладко и страшно. И дух захватывает от красоты неиспытанного и неизведанного.

Дружба - L'amicizia

... В международном пионерском лагере в Польше прошлым летом расцвела радуга галстуков. Звенели песни и шутки на русском и английском, польском и французском, венгерском и итальянском языках...

Внимание ребят привлекала смуглая итальянская девочка в пышном белокуром парике. Пижонит? — удивлялись они. Ничего подобного! Несколько месяцев назад эта девочка шла в потоке людей, громко скандировавших: «Американцы, вон из Вьетнама!» Шеренга полицейских бросилась разгонять демонстрантов. В бессильной ярости жандармы подожгли волосы на голове девочки... С тех пор она вынуждена ходить в парике.

Вот они какие, ребята Италии — озорные и отважные, точно такие же, как и большинство взрослых в этой солнечной стране.

... Есть в Ленинграде Подъездной переулок. На доме двенадцать — табличка по-русски: «318 школа» и рядом — по-итальянски: «Benvenuti!» Обучение в этой школе ведется на итальянском языке. Члены Клуба интернациональной дружбы — Люся Высоцкая, Коля Рыков и Марк Бейлин, президент Клуба Люда Зарубина прежде всего искали друзей нашей Родины в стране Аппенинского полуострова.

И нашли.

DUTTO WANDA
VILLAGGIO UNRRA 2
12012 BOVES /CUNEO/
ITALIA

KATIA AZZARI
VIA MACVLANO 2-7
16135 GENOVA
ITALIA

HARA CAROCCI
VIA DEI FRANZONE 2/2
16145 GENOVA
ITALIA

MARCO PALMANO
VIA VANALLO 6
12012 BOVES /CUNEO/
ITALIA

Тепло и забавно пишет четвероклассник — поэт Джанни Родари:

«Дорогие пионеры 4-6 класса, ваше письмо доставило мне большую радость. Желаю вам учить итальянский язык без труда и без... двоек!

Тридцать восемь лет назад я тоже ходил в четвертый класс. Я жил в Пьемонте, в Оменье, на берегу озера Орта. Именно там я родился. Я плохо помню то время. Играл я пустыми коробками, играл в войну. По воскресеньям ходил в кино, тогда оно было немое. Фильмы были многосерийные и демонстрировались семь-восемь воскресений подряд. Больше всего мне нравилось ходить в лес. Даже и сейчас я чувствую себя в лесу как дома. Моя мечта — пожить немного в тайге, даже,

пожалуй, имея вывеску на спине: «Господа медведи, не трогайте этого человека, который вовсе не охотник».

Горячий привет от Чиполлино.
Ваш Джанни Родари».

Unni primieri della IV classe B della scuola n. 318,

la vostra lettera mi ha fatto molto piacere.

Vi auguro di poter studiare l'italiano senza fatica ... e senza 2 (due)!

Trentotto anni fa, facevo anch'io la quarta. Abitavo in Piemonte, a Cuneo, in riva al Lago d'Aste. E' lì che sono nato. Di quel tempo ricordo poco. Giravo con la mamma, facevo l'accompaniato. La domenica andavo al cinema, che allora era tutto. C'erano dei film a episodi che duravano sette, otto domeniche. Più di tutto mi piaceva andare nei boschi. Anche adesso, mi basta essere in un bosco per sentirmi a casa mia. Il mio sogno è vivere un po' di tempo nella Liguria; anche con un castello nella schiuma. "Signori miei, non fate del male a questo ormetto, che non è un cacciatoro..."

Tanti saluti da Cipollino.

Vostro

Gianini Rodari

А потом пришел пакет от Национального героя Италии папы Черви, как его называют вся страна. В пакете — книги. Нетвердым почерком пожилого человека выведено: «Ученикам Клуба интернациональной дружбы от папы Черви 3 августа 1969 года».

Книга называется коротко: «Семь моих сыновей». Все сыновья папы Черви героически погибли в борьбе с фашистами в партизанских отрядах. И скромный домик Черви близ Реджьо Эмилио стал святыней для всех простых людей Италии, патриотическим музеем. А папа Черви — хранителем этого музея. В музее есть и подарки от детей, стихи и рисунки, вышивки, письма. Недавно свое место занял подарок Интерклуба 318 школы — барельеф Владимира Ильича Ленина.

С особой радостью отвечают своим сверстникам из Италии

ETTORE CERVI
ANNI 22

OVIDIO CERVI
ANNI 23

ALDO CERVI
ANNI 24

AGOSTINO CERVI
ANNI 27

ANTENORE CERVI
ANNI 29

ребята — члены Интерклуба. Вот одно письмо. На конверте обратный адрес: «город Турин, Виа Кизоне, 24». «Я одиннадцатилетняя девочка, — пишет Вера Поли. — Мы с друзьями хотели бы создать маленький музей о России. Поскольку вы живете в таком прекрасном городе, может быть, вы смогли бы прислать нам какие-нибудь иллюстрации? Уверена, что вы это сделаете».

В ответ — на итальянском — помчалось письмо в Турин. Из 318 школы:

FERDINANDO CERVI
ANNI 32

GELINDO CERVI
ANNI 37

«Мы рады переписываться с тобой и твоими друзьями. Пошлём тебе книги и открытки.

Нас интересует история Сопротивления и Ваш национальный герой Гарибальди. Мы собираем материал о русских, сражавшихся в горах Италии. У нас есть рассказы о детях Италии, воевавших в итальянском Сопротивлении. Мы знаем, что некоторые из них награждены золотыми медалями. Фотографий этих ребят у нас нет. Вы не могли бы помочь нам разыскать их?»

ДЕТСТВО ВОЛОДИ

Уголёк
№ 4

И. Холин

(Отрывок из поэмы)

Симбирск.
Захолустный
Далекый окраинный город.
Симбирск
На две части, как саблю,
Трактом распорот.
Здесь дом губернатора высится
С „аглицким“ садом.
Тюрьма и казарма,
И тотчас — кабак с ними рядом.
Гимназия.
Площадь базарная.
Шум. Перебранка.
— Вот, барыня,
Кушайте сдобные плюшки, баранки!
— Вот, сударь, возьмись-ка
телятинки

(Важной кусочек).
— Вот, барышня, будет
к лицу тебе

Этот платочек!
И всюду на полках:
Шёлка, бумагеи и ситцы,
И всюду, как в рамках,
Купецкие, красные лица...

1

КНИЖКА ЛЕНИНА

Э. Писаржевская

Слева неспелая встала пшеница,
Справа на дереве свищет синица,
Оси и слегли скрипеть перестали.
— Вон Алакаевка, — молвил возница, —
Вниз по тропинке до крайних дворов
Будет не больше полсотни шагов.
— Ладно, — и прыгнули ловко с телеги
Пристав и двое из нижних чинов.
Велено в хате крестьянам собраться.
Пристав сказал им: „Послушайте, братцы,
Надобно все рассказать без утайки,
Не препираться и не запираться.
Стало известно, смущает крестьян
Сельский хозяин, студент, из дворян,
Вредные книжки читать заставляет,
В коих одна клевета и обман“.
— Может, наветы дурных языков? —
Кто-то ответил из мужиков.
— Где Филарет Кривошеин? — спросили
Пристав и двое из нижних чинов.
— Здесь, — из-за спин отвечал Филарет.
— Было такое. Ученый сосед
Книжку на троицу мне подарили
И говорили: „Учение — свет!“
— Где она?

— Там, за поленницей дров! —
Крикнул мальчишка, а сам был таков.
Смело схватили опасную книжку
Пристав и двое из нижних чинов

Славься отечество и государи!
В наших руках ядовитая тварь!
Страшная книжка, ужасная книжка,
Жуткая книжка — букварь!

3

Разносится звон колокольный
Протяжный, печальный,
А с тракта доносится
Звон заунывный, кандалный.
Ведут каторжан.
Подгоняет их стража, как стадо.
Шагает рабочий народ
Из Москвы, Петрограда...

— За что же их всех осудили,
Послушай, касатик?

— За дело, —

Ответил

стоящий поодаль солдатик!
— За дело, — добавил

студент, —

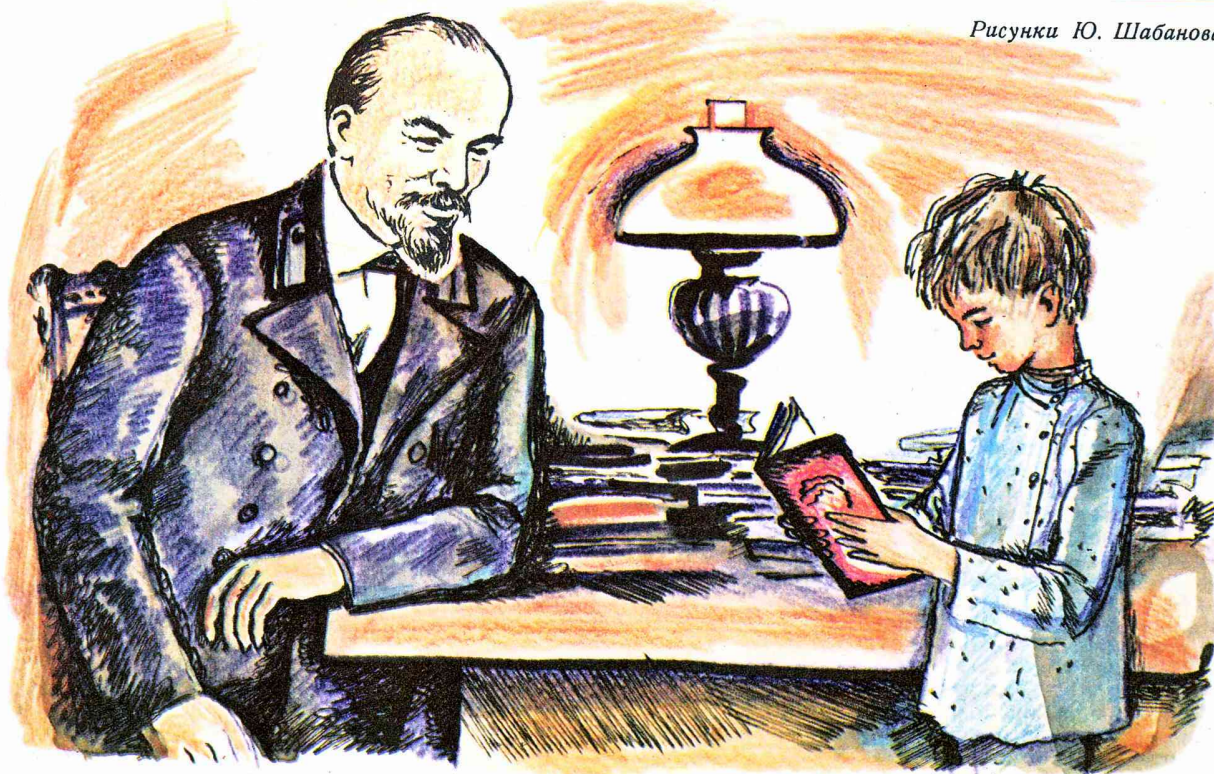
Но за правое дело,
За то, что по-рабски
Им жить и страдать
Надоело!

Володя смотрел
На жестокую эту картину:
Как гонят людей,
Как толкают прикладами в спину.
И что-то большое
И новое
В нем зарождалось...
И детство,
Володино детство
На этом кончалось.
Казалось Володе:
По царскому злому указу
В Сибирь
Угоняют жандармы
Всю Родину сразу.
И, может, тогда уже мысль
Зарождалась смело:
Что нужно бороться,
Бороться за правое дело!

2

Рисунки Ю. Шабанова

4

ПОЗАБОТИЛИСЬ О ЗИМЕ

Почти год прошел с того дня, как первые ребята с нашей улицы записались в школу «Спринт». Теперь у нас большая группа. Мы регулярно тренируемся. Летом ребята работали на вырубке кустарника, и теперь у всех есть коньки, лыжи и лыжные ботинки. Каждый из нас тренируется, делает зарядку, выписывает «Костер» и хорошо учится. Ни у кого из спринтеров не было троек за первую четверть.

Саша Цирулев
п. Сандово Калининской области

ПОКА ВТОРОЙ

Летом я выполнил второй взрослый разряд — пробежал стометровку за 11,4 секунды, стал вторым призером первенства Татарии среди школьников. В Москве на всесоюзных соревнованиях занял восьмое место. Сейчас я уже девятиклассник и сам веду занятия с ребятами из 6—7 классов.

Рафкат Султанов
г. Казань Татарской АССР

НЕТ ТАКОГО ЗАКОНА!

Моя подружка живет в сельской местности в Чечено-Ингушской АССР. Она пишет, что секций у них нет, на физкультуру девочки не ходят — такой у них закон. Но что это за закон? Ведь его отменили давно! Почему они не посещают уроки, мне не понятно... Я просто не представляю себе школы без спортивного зала. Как вспомню о зале или услышу спортивную передачу, так сейчас бы и побежала! После десятого класса я хочу поступить в институт физкультуры.

Рая Порублева
с. Шведино Ставропольского края

НАУЧИЛАСЬ — УЧУ САМА

Кажется, совсем недавно я побывала на II Всесоюзном слете юных бегунов, где меня многому научили тренеры школы «Спринт», а сейчас я сама веду уроки

физкультуры в шестом классе. И вот уже мои ученики решили записаться в школу «Спринт». Спасибо тренерам, которые научили меня любить спорт, бороться за новые рекорды!

Любовь Рыбалко
с. Веселое Марковского района Луганской области

КОНСУЛЬТАЦИИ ПОМОГЛИ

У нас в городе проходила спартакиада пионерских дружин. Ребята, с которыми я занималась по планам школы «Спринт», заняли первое место по легкой атлетике. Их наградили бесплатными путевками в пионерский лагерь «Чайка». У меня тоже радость: я стала чемпионкой области по прыжкам в высоту.

Люба Копылова
г. Орск Оренбургской области

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

... Занимаюсь вместе с ребятами. Они у нас очень хорошие — дружные и находчивые. Поэтому тренировки проходят весело: усталости не замечаешь. Результаты у всех намного улучшились.

Рита Сапогова
п. Муртиха Красновишерского района Пермской области

... От станции до дома — 7 километров. Я пробегаю их с рюкзаком за плечами. Правда, не торопясь, — за 45 минут. Это помогло мне весной выполнить 2-й разряд по кроссу.

Коля Утёнин
г. Курск

... Со мной занимается мой брат Женя. Он учится в третьем классе, но от меня не отстает. Когда на улице сыро или идет снег, мы с ним соревнуемся дома по прыжкам в длину и высоту с места.

Светлана Кротова
п. Вой-Вож Ухтинского района Коми АССР

... Тренируюсь я регулярно в секции, но, кроме того, каждое утро пробегаю 800 м и вечером километр, а то и больше.

Оля Кушнарченко
г. Константиновка Донецкой области

28
строчек
про весну

А. Крестинский

Рисунок И. Казаковой

Мне позвонил редактор
И говорит:—Скорей!
Пиши стихи про трактор,
Про поле и грачей!

И чтобы сквозь валежник,
Ты понял?—говорит,—
Проглядывал подснежник!
Ты понял?—говорит.

Чтоб солнце горячей
И прочие приметы...
Алё! И про грачей!..
Ах, да, грачи задеты...

Напишешь что-нибудь
Про чистый воздух вешний...

Смотри, не забудь—
Алё! Алё!—скворешни!

И пусть бежит ручей
По камушкам, ты слышишь?..
Алё! И про грачей!
Ах, да... Еще напишешь,

Как рады деревца—
У них набухли почки...
Не худо про скворца
Хотя б четыре строчки...

Ну что,—промолвил он,—
Запомнил ты хоть слово?..
Я рывкнул в телефон:
— Написано! Готово!

АРЧЕБЕК

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Когда в 17-ой партии шашечного матча на первенство мира соперники на 38-м ходу согласились на ничью, стало известно, что титул чемпиона остается в руках Андриса Андрейко.

Первым поздравил его противник — Куперман, вторым — главный арбитр, третьим — шахмат-адмирал Ферзьбери:

— Андрис Георгиевич, я сам и от имени рыцарей АРЧЕБЕКА поздравляю вас с победой!

— Спасибо. Передайте доблестным рыцарям, что я надеюсь лет через десять увидеть кого-нибудь из них тоже борющимися за высшее в мире шашечное звание.

— А не покажете вы архебековцам вашу партию?

— Охотно. Но только не из этого матча: мы играли в международные (стоклеточные) шашки, а не все ваши рыцари с ними знакомы. Так вот: в одном командном соревновании на обычной 64-клеточной доске у меня получилось положение — белые: а3, b2, c1, c3, d4, e1, e3, f2, g3, h2; черные: a5, a7, b6, c7, d6, d8, e5, f6, g5, h6. Я играл черными, и ход был мой. Команде крайне нужна была моя победа. «Как же мне пойти?» — размышлял я. И вдруг меня осенило: «Комбинация! Поддам эту шашку, потом — ту, затем побью, потом опять поддам, и еще, и еще... А в конце — бью в дамки!» Проверил расчет еще раз и пошел...

— Извините, что я вас перебиваю, Андрис Георгиевич, но пусть архебековцы найдут сами, как вы пошли!

— Согласен! — улыбнулся чемпион мира. — Пусть сами!

ПРОИСШЕСТВИЕ

Во вторник на виду у всех к лучшему шахматисту 6-го класса 17-й средней школы Саше Бантикову подошел неизвестный человек лет двенадцати-тринадцати и показал положение, где конь и пешка выигрывают против двух слонов.

— Подумаешь! — воскликнул Саша Бантиков. — Удивил! Вот я знаю позицию — это да! Конь и пешка выигрывают против ферзя и ладьи!

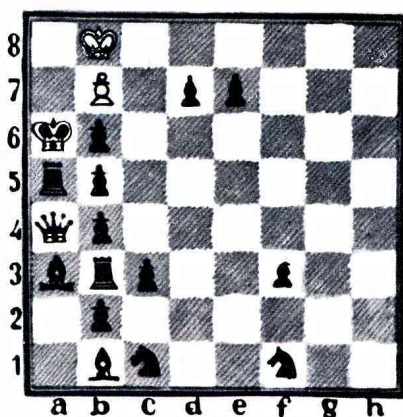
— А я знаю — где конь и пешка выигрывают против ферзя и двух ладей!

— А я — где против ферзя, двух ладей и двух слонов!

— Смотри! — сказал тогда неизвестный человек. — Вот, смотри диаграмму! У белых даже коня нет. Одной пешкой они выигрывают против всей черной армии! Дают мат в 4 хода!

— Ну, — возмутился Саша. — Это ты уж чересчур! Если здесь белые дают мат в 4 хода, то я... я... я больше не лучший шахматист класса! А если не дают, то ты... ты... ты вообще не умеешь играть! Показывай.

Но неизвестный человек вдруг куда-то скрылся и, несмотря на поиски, обнаружить его не удалось. Спор остался неразрешенным.

СООБЩЕНИЕ ТАШШ

(Телеграфное агентство шахматистов и шашистов)

Из штаба АРЧЕБЕКА передают, что в прошлогодней операции победоносной Армии Рыцарей Черно-Белых Клеток наибольшее число очков — 150 — набрали 104 рыцаря. Им присвоен 3-й спортивный разряд, а имевшие его переведены во 2-й. Каждый награжден значком и билетом спортсмена-разрядника, дипломом и памятным подарком — книгой.

Обилие победителей создало трудности в присуждении Главного приза АРЧЕБЕКА. Трое суток заседало Большое Жюри, решая, кому его вручить. Безуспешно! Все 104 победителя получали равное число голосов. Тогда бросили жребий, и обладателем приза стал Анатолий Андреев из села Даниловка Целиноградской области.

Слава победителям! Вот они — Вадим Ахмадеев, Толя Андреев, Дима Бараш, Миша Бержанер, Валерий и Валентин Биленко, Сережа Буробин, Володя Брюквин, Сережа Бац,

Лена Балова, Слава Боюканский, Ваня Васильев, Сережа Вдовик, Саша Вислоцкий, Володя Вахрушев, Гаряф Гамируллин, Леня Горелик, Саша Гранский, Вадим Григорьев, Саша Голубцов, Гена Гельман, Аля Гамирулина, Мила Горбунова, Ваня Голенков, Коля Горбунов, Толя Друзь, Витя Даценко, Саша Дмитриев, Гена Дронов, Витя Зырянов, Миша Зайцев, Володя Зверев, Коля Загайнов, Саша Иноземцев, Сережа Игнатьев, Сережа Киктев, Костя Кириш, Валерий Карбушев, Женя Канель, Алексей Кирьянов, Алексей Коломенский, Игорь Крючков, Саша Кондратьев, Сережа Ковалев, Леня Левченко, Олег Лаврентьев, Саша Лизунов, Людмила Липатова, Володя Марков, Валерий Милосердов, Коля Медяков, Сережа Масляков, Толя Мордвин, Саша Минов, Энвер Нижада, Вася Назарыков, Витя Нападков, Дима Опарин, Костя Попенков, Володя Полянец, Игорь Подопригора, Сережа Петухов, Володя Попов, Федя Панин, Миша Пальчик, Володя Плотночников, Павел Павлов, Коля Рыжаков, Володя Резцов, Саша и Андрей Рудометовы, Юра Страгис, Толя Стелин, Саша Салов, Илья Синицкий, Виталий Соляник, Игорь Савицкий, Витя Сухин, Валерий Томницкий, Леня Тимофеев, Миша Тимошков, Андрей Тарасов, Ришат Туктаров, Витя Уфнаровский, Слава Устюгов, Игорь Усенко, Гриша Фиглин, Коля Фоминых, Миша Фейман, Марк Хуторецкий, Петья Хроленко, Сережа Хабарова, Валерий Храмов, Витя Хащанский, Сережа Чернышев, Саша Шапиро, Боря Шавердян, Коля Шустов, Толя Ярмухамедов, Володя Янчук, Андрей Яковлев, Юра Яловский, Витя Ярцев, Коля Яликов.

ПРИКАЗ № 4

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Шахматистам решить задачи — А) Сережи Лянгасова — белые: Кра4, Лf1, Са5, Ch7; черные: Крb2; мат в 2 хода. Б) белые: Кре5, Фb1, Ch7, Ке7; черные: Крh8, пп.е6, g7; мат в 2 хода. В) внести ясность в спор Саши Бантикова с неизвестным человеком.

§ 2. Рыцарям объявить мат в 2 хода в положении — белые: Крf5, Лd3, Сb1; черные: Крh7.

§ 3. Шашистам — найти выигрывающие комбинации: А) белые: а3, b4, c3, c5, d4, g3, h2; черные: а5, а7, b8, d8, e7, g5, g7. Б) белые: а3, b2, f2, g1, h2, h4; черные: d6, f4, f6, g7, h6, h8. В) позиция из партии Андриса Андрейко.

§ 4. Срок присылки рапортов до 1 июля. Рапорт можно присылать только один раз. Поправки и дополнения приниматься не будут.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

СОДЕРЖАНИЕ

День, каких было много очерк Н. Владимирской	2
Ленинское слово рассказ Юрия Рытхэу рисунки К. Овчинникова	6
К отцу в гости драматические сцены Радия Погодина рисунки С. Острова	12
Так держать, экспедиция!	27
Страна Поэзия Александр Межиров гравюра В. Орлова	29
Самим увидеть, самим услышать, самим найти Восьмое Большое Путешествие «Костра» продолжается	30
Книжная полка Володи Ульянова очерк А. Лосева	40
Вот моя деревня повесть В. Арро рисунки Т. Капустиной	44
Художник рисует Ленина заметка А. Хазовой	53
Морская газета под редакцией С. Сахарнова оформление О. Зуева	54
Гроза в горах рассказ Н. Сладкова рисунок И. Харкевича	56
«Дружба»	57
Уголёк журнал для малышей	59
Школа «Спринт»	61
Арчебек	
Двадцать восемь строчек про весну стихи А. Крестинского рисунок И. Казаковой	62
Уголок веселого архивариуса и головоломки. рисунки М. Беломлинского	
	3-я страница обложки
На обложке гравюра М. Таранова	

Главный редактор В. В. Торопыгин
Редакционная коллегия: Г. И. Барина, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Тереминская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор Ю. П. Мезерницкий
Технический редактор А. А. Двораковская
Корректор В. А. Маевская
Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37,
телефон 14-57-76

М-35586. Подписано к печати 3/III 1970 г.
Формат 60×90/16. Печ. л. 8, 6,36 усл. п. л.
8,8, уч.-изд. л. Тираж 429 000 экз. Заказ № 2146.
Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете
Министров СССР. Ленинград. Кронверкская ул., 7.

КТО АВТОР „РЕВИЗОРА“?

Увы, во все времена вокруг литераторов вертелось великое множество сплетников и всезнаек, любителей выдавать досужие домыслы за чистую правду.

Поэту П. А. Вяземскому один такой всезнайка сказал:

— А я слышал, что «Ревизор» написан не Гоголем, а он только выдает его за свое сочинение.

— Как бы я был счастлив, если бы это было так! — воскликнул Вяземский.

— Это почему?

— А потому, что тогда одним гениальным писателем было бы на Руси больше.

ГОЛОВОЛОМКИ

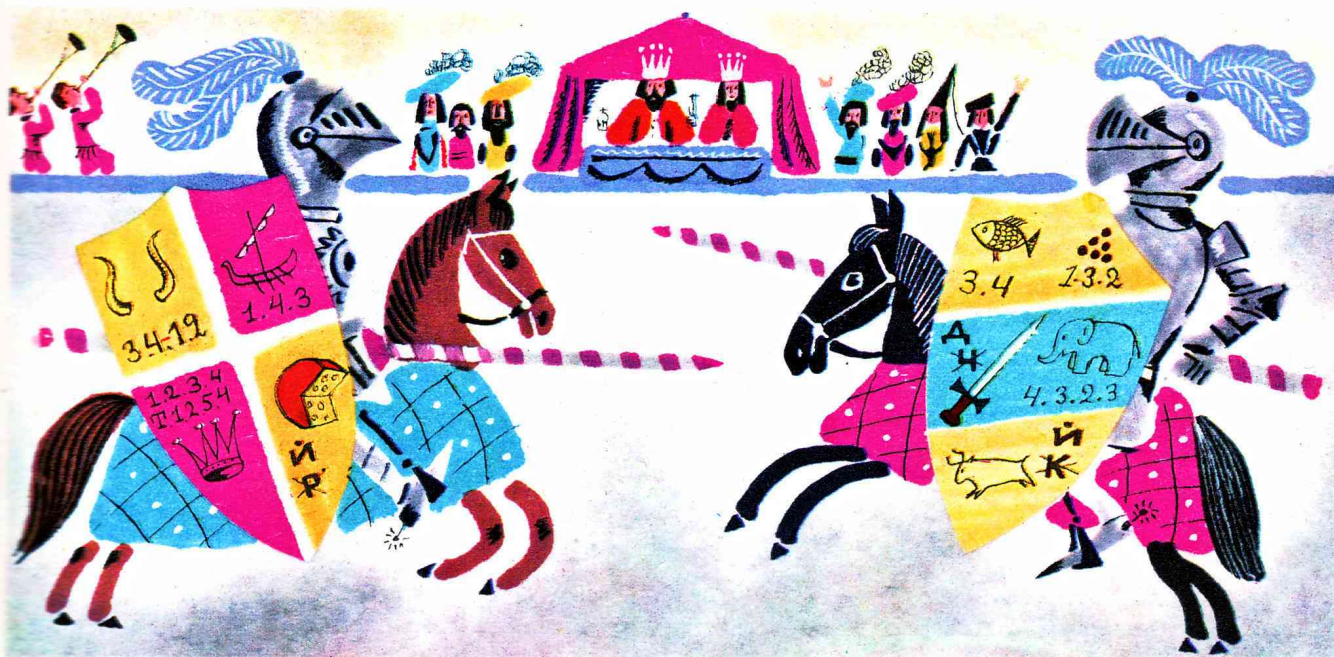
Случай с пограничником

Сержант Василий Егоров возвращался на мотоцикле на погранзаставу. Он вез мешок с сахаром, полученный на складе. С ним была его верная собака Джульбарс. По дороге сержант Егоров задержал нарушителя границы. А когда они ехали через ущелье, дорогу им преградил медведь. Медведя Василий тоже решил привезти на заставу, потому что солдаты-пограничники любят животных.

Чтобы попасть на заставу, необходимо переправиться через реку. На берегу есть лодка. В ней сержант уже переправлялся с противоположного берега с мотоциклом и овчаркой. Но если к этому прибавить хотя бы еще один груз: нарушителя, медведя или мешок, — лодка утонет. Сержант задумался: лодка берет только три груза. Оставляя на том или на этом берегу медведя с нарушителем нельзя. Медведь съест задержанного. Медведя с Джульбарсом оставить тоже невозможно — они подерутся. Медведя с мешком тоже не оставишь — косялапый съест сахар. И мотоцикл мишка тоже ломает. Нарушителя оставлять с мотоциклом тоже нельзя — он уедет.

Сержант справился с задачей и за четыре переезда с одного берега на другой перевез всех, за что получил благодарность начальника заставы. Как ему это удалось? Может быть, вы, ребята, смогли бы это сделать быстрее?

Гербы на щитах

Кто грозный вершит поединок
На славном турнирном ристалище?
Как звать этих рыцарей непобедимых
В доспехах блистающих?

В их честь развеваются флаги,
Но тайну имен их хранят
Гербов непонятные знаки
И чисел магических ряд.

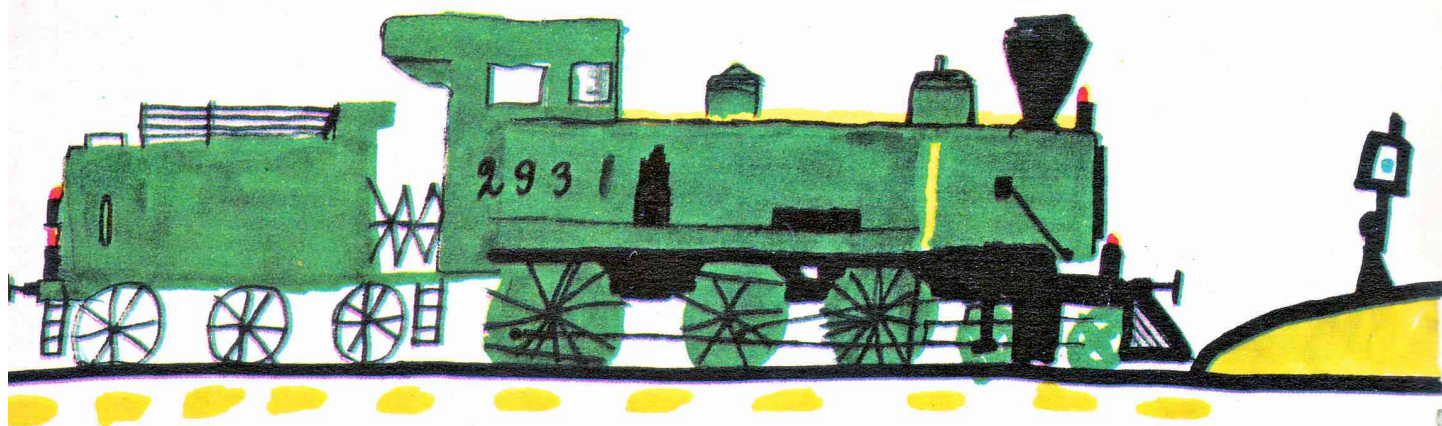
Поют менестрели
О подвигах древности...
А ну, кто быстрее
Решит эти ребусы?

25 коп.

ПОБЕДА ОКТЯБРЯ

Таня Питанина

ПАРОВОЗ 293.

ЛЕНИНСКИЙ ПАРОВОЗ

Леша Ковенчук

Индекс 70 445